

XVI

$\frac{45}{10}$

1908

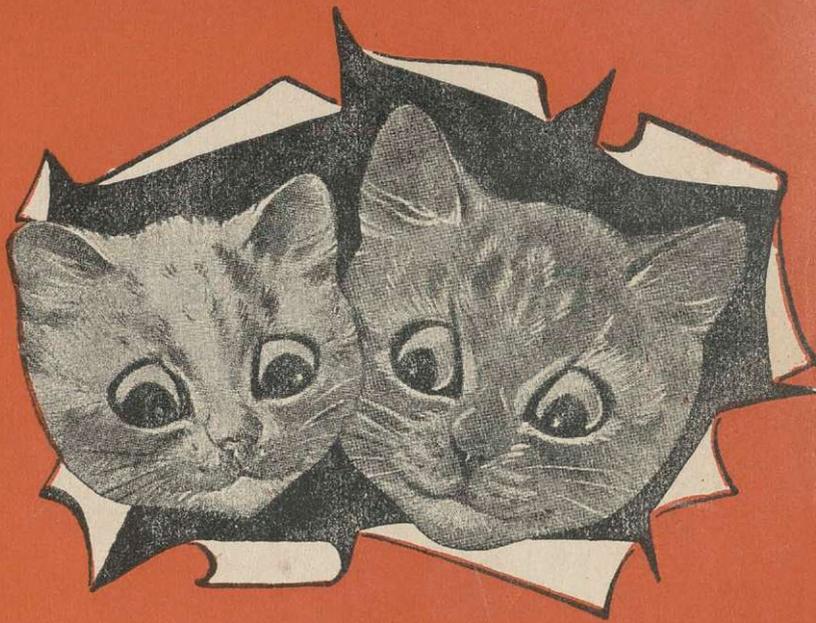
√ 8-14

XVI 45
10

№ 8

ФЕВРАЛЬ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

О ТОВАРИЩЕСТВѢ И ИГРАХЪ
У ЖИВОТНЫХЪ.

УЖЪ СКОРО!

ИСТОРИЯ О ДВУХЪ СЛОНАХЪ
БАРРИ (повѣсть).

ВОРЫ И ОСЕЛЪ.

ГАЛИЛЕЙСКІЕ ЩЕГЛЯТА.

РАЗСКАЗИКИ.

КАКЪ СДѢЛАТЬ МИНДАЛЬНУЮ
ПЕЧЕНЬЕ.

АРИѦМОГРАФЪ, ЗАДАЧА,
ШАРАДА.

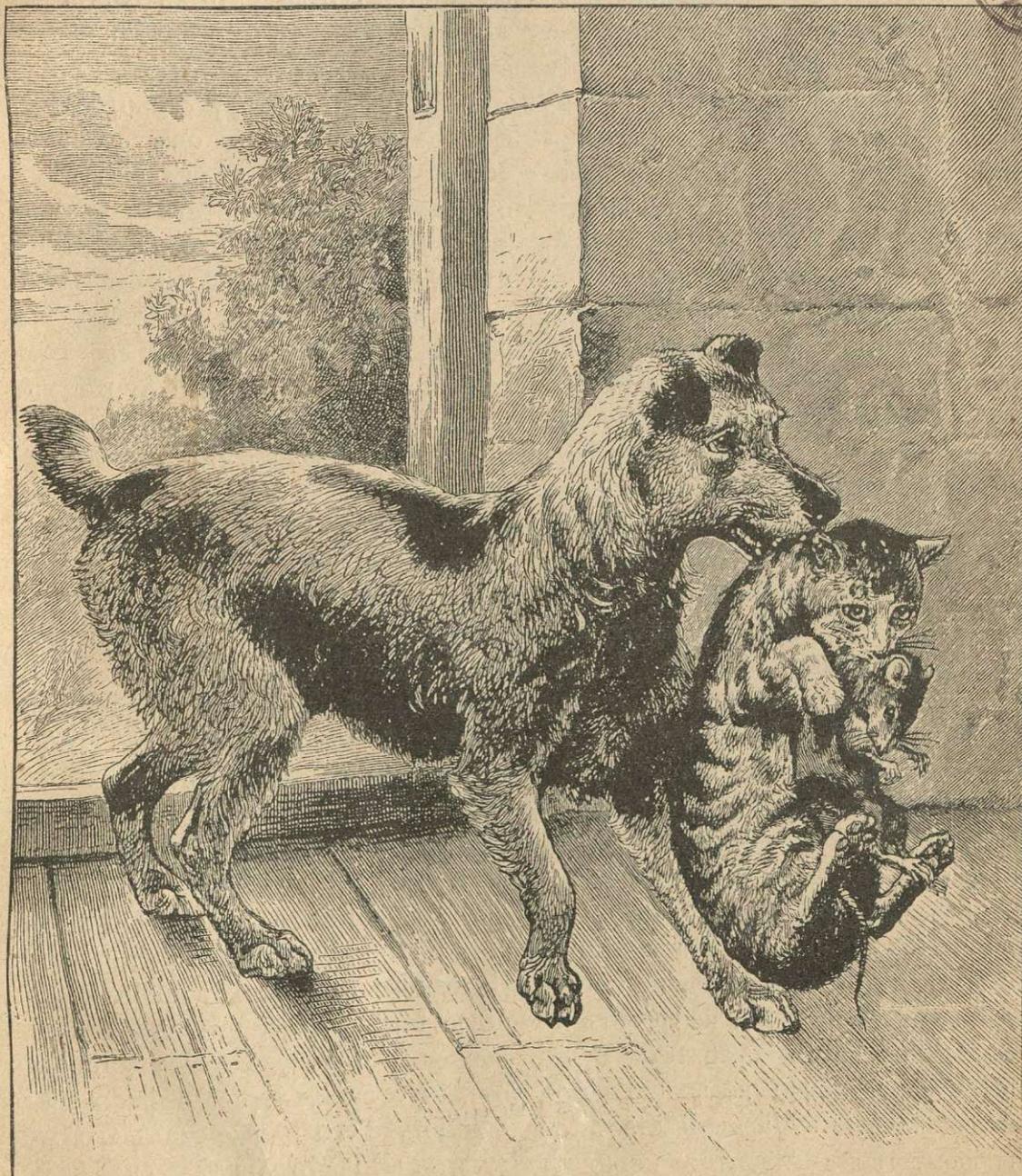
ПРИЛОЖЕНІЕ:

№ 8. Февраль. 1908.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

... У собаки въ зубахъ висѣла кошка, а у кошки мышь.

О ТОВАРИЩЕСТВѢ И ИГРАХЪ У ЖИВОТНЫХЪ.

Всѣмъ извѣстно, на какую нѣжную дружбу бываютъ способны животныя между собою и съ человѣкомъ. Но иногда животныя предпринимаютъ такія затѣи, выполнить которыя бываетъ совершенно не подъ силу одному изъ нихъ и приходится дѣйствовать сообща; и они собираются цѣлыми компаніями и при этомъ дѣйствуютъ вовсе не изъ дружбы, а изъ простого чувства товарищества, такъ что приходится предположить, что у нихъ такъ же, какъ и у людей, бываютъ между собою соглашенія. Въ особенности это замѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло клонится къ ихъ общей выгодѣ или же къ пользѣ любимаго ими сообщна человѣка. Такъ, у одного французскаго маркиза были двѣ собаки, пойнтеръ и сетерь, которыя очень не любили другъ дружку и постоянно между собою грызлись. Ихъ хозяинъ жилъ недалеко отъ лѣса, въ которомъ бѣгали зайцы, и часто имѣлъ обыкновеніе сидѣть у окна. И вотъ однажды онъ увидѣлъ, что обѣ его собаки вышли со двора, по которому бѣгали безъ привязи, и стали дѣлать одна другой какіе-то знаки; поглядѣвъ затѣмъ на домъ, не грозитъ ли имъ какое-нибудь препятствіе, онъ потихоньку, точно воришки, побѣжали по лугу. Маркизь сталъ съ любопытствомъ слѣдить за ними, что

онѣ будутъ дѣлать, и увидаль, что пойнтеръ, который руководилъ затѣей, послалъ сетера оглядѣть кусты, а самъ спрятался у самаго начала той дорожки, которую протоптали себѣ зайцы. Здѣсь онъ сдѣлалъ «стойку» и такъ и окаменѣлъ въ ожиданіи. А сетерьъ сталъ громко лаять и гнать зайцевъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ притаился пойнтеръ. И какъ только заяцъ налетѣлъ на пойнтера, собаки схватили его спереди и сзади и съ торжествомъ понесли его къ хозяину. И стоило только хозяину принять отъ нихъ дичь, такъ онѣ тотчасъ же разошлись въ разныя стороны и стали ворчать другъ на друга.

Взаимная помощь чисто на товарищескихъ началахъ особенно развита у животныихъ стадныхъ. Каждый членъ стада считаетъ своею обязанностью прежде всего заботиться объ общемъ благѣ, а потомъ уже о своемъ. И чѣмъ дольше животныя эти ходили вмѣстѣ по одному и тому же пастбищу, тѣмъ сознание товарищества у нихъ сильнѣе, хотя бы они были и разныхъ породъ. На одного осла напалъ дикій вепрь и несчастный напрасно метался изъ стороны въ сторону по лугу, стараясь отъ него защититься. Вепрь оказался быстрѣе его и уже сталъ его одолевать. Но это увидѣлъ маленькій

КНИГА ИМЕЕТ

73

Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллэстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковй	197 г.
6	1908 и 8-14					116 75	94

красивый пони, товарищъ осла по пастбищу, который всегда презиралъ осла и относился къ нему весьма снисходительно. Теперь же онъ побѣждалъ къ нему на выручку и, перепрыгнувъ черезъ загородку, со всѣхъ силъ сталъ поражать вепря копытами заднихъ ногъ, пока вепрь не понялъ въ чемъ дѣло и не оставилъ осла въ покоѣ. Исполнивъ свой долгъ, пони съ высокообріемъ посмотрѣлъ на осла и снова, перепрыгнувъ черезъ изгородь, убѣждалъ къ себѣ на пастбище.

Услуги однихъ животныхъ другимъ часто кажутся намъ совершенно странными, пока ихъ себѣ не объяснишь. Еще древній историкъ Геродотъ приводитъ примѣръ, когда маленькія птички совершенно безбоязненно влетали въ пасть къ крокодиламъ и вылетали изъ нея и крокодилы ихъ не пожирали. Это мы видимъ и теперь на берегахъ Нила, гдѣ эти чудовища лежатъ на солнцѣ, открывъ свои рты, и гдѣ по-прежнему кулики влетаютъ къ нимъ чуть не въ самое горло и благополучно изъ него вылетаютъ. Чѣмъ объяснить это равнодушіе крокодиловъ? Очень просто. Пока крокодилы лежатъ съ разинутыми ртами, въ нихъ налетаетъ масса насѣкомыхъ и кладетъ у нихъ во рту свои личинки. Кулики выклеиваютъ этихъ насѣкомыхъ и ихъ личинки и крокодилы отлично понимаютъ, что они приносятъ имъ пользу. Съ своей стороны и кулики цѣнятъ крокодиловъ за то, что они

даютъ имъ даровой обѣдъ. Замѣтивъ, что левъ отправляется на добычу, шакаль самъ забѣгаетъ впередъ, самъ выслѣживаетъ для него дичь и самъ ее на него выгоняетъ и когда левъ осилить эту дичь за шакала и насытится ею самъ, то остатки доѣдаетъ шакаль. Безъ услуги льва шакаль такъ и остался бы голоднымъ, такъ какъ благодаря своему небольшому росту и сравнительно небольшой силѣ онъ не могъ бы овладѣть тѣмъ животнымъ, съ которымъ шутя справляется левъ. Чтобы вмѣстѣ пообѣдать, становятся товарищами даже самыя противоположныя породы живыхъ существъ. Такъ, ручныя галки часто приглашаютъ домашнихъ кошекъ отправиться съ ними на добычу. И такая странная компанія выбираетъ обыкновенно какое-нибудь отверстіе въ густо насаженной живой изгороди и начинаетъ подстергать около него свою будущую добычу, и часто охотится довольно успешно. Однажды господинъ, у котораго были такія галка и кошка, услыхавъ у живой изгороди большой шумъ и хлопанье крыльями, отправился посмотрѣть, что это за возня. Къ своему удивленію, онъ увидалъ тамъ кошку и галку, которыя были очень обезпокоены тѣмъ, что не могли протащить сквозь дыру въ живой изгороди пойманнаго ими кролика. При этомъ кошка тащила кролика за уши сюда, а галка изъ всѣхъ силъ старалась подталкивать его снаружи. Какъ и люди, животныя любятъ

играть. Взгляните на щенка или на котенка! Какъ граціозно они прыгають, играютъ другъ съ другомъ и разными предметами, точно дѣти игрушками! Щенокъ, если у него нѣтъ товарищей, считаетъ своимъ товарищемъ человѣка, а своими игрушками любой предметъ—палку, мячикъ, камень. Онъ—потомокъ дикихъ животныхъ—волковъ, жившихъ и живущихъ стаями, и потому нуждается въ товарищѣ больше, чѣмъ котенокъ, предки котораго жили въ одиночку. Котенокъ легко поэтому обходится вовсе безъ товарища по игрѣ. Перышко, сорвавшійся съ дерева листокъ, еще того лучше—катушка изъ-подъ нитокъ, однимъ словомъ все, что можетъ въ своемъ движеніи напоминать живое существо, — все это можетъ занять котенка вполне. Щенокъ же никогда не можетъ обойтись безъ товарища по игрѣ: ему нуженъ такой же щенокъ, какъ и онъ. Если нѣтъ щенка, онъ будетъ приставать ко взрослой собакѣ, а если надоѣстъ и ей, то цѣлые часы онъ будетъ играть съ человѣкомъ.

Нѣкоторыя дикія животныя имѣють по настоящему задуманныя игры. Молодые обезьяны, какъ и школьники, собираются вмѣстѣ только для того, чтобы поиграть въ какую-нибудь общую игру. Ихъ родители при этомъ сидятъ въ сторонѣ съ торжественнымъ видомъ и любуются на своихъ ребятъ. И стоитъ только какому-нибудь малышу сплутовать или обидѣть кого-нибудь въ игрѣ, какъ они

бросаются къ обидчику и даютъ ему подшлепниковъ. Думали, что птицы не умѣють вовсе играть, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя сидятъ въ клѣткахъ. Но это и понятно, потому что въ неволѣ птица лишена той свободы, для которой создалъ ее Господь. Но на свободѣ птицы очень любятъ играть: онѣ играютъ другъ съ дружкой въ перегонки по воздуху, на крыльяхъ, устраиваютъ шутивыя драки, передразниваютъ одна другую и все это продѣлываютъ въ самомъ радостномъ расположеніи духа. Прирученныя птицы, но содержащіяся на свободѣ, очень любятъ шутить. Такъ, у одного Ирландца былъ ручной соколъ, который леталъ на свободѣ по его владѣніямъ. И стоило только кому-нибудь придти въ гости къ его хозяину, какъ онъ всякій разъ аккуратно подлеталъ къ гостю сзади и сбрасывалъ съ головы его фуражку. И такъ быстро онъ продѣлывалъ эту штуку, что удивленный гость долго потомъ озирался по сторонамъ, стараясь объяснить себѣ такую неприличную выходку. А соколъ сидѣлъ въ это время поодаль на кустѣ съ такимъ видомъ, будто ничего и не сдѣлалъ, и будто фуражка соскочила съ головы по какому-нибудь волшебству.

Какъ пріятно глядѣть на ягнятъ, рѣзвящихся на волѣ! Для своихъ игръ они почти всегда выбираютъ такія мѣста, гдѣ есть овраги и ямы, и если къ ихъ услугамъ окажется вдругъ и камень или глыба, то они

тотчасъ-же принимаются брать его съ боя, сталкиваютъ одинъ другого и каждый старается вскочить на камень одинъ и не допустить на него другихъ.

Даже угрюмый осель иногда не прочь пошутить, но увы!—подъ тяжестью непосильной работы онъ скоро старѣется и теряетъ всякую охоту къ шуткамъ. У одного мельника былъ осель, который своими плутнями и выходками заставлялъ всѣхъ умирать со смѣха. Онъ зналъ, какъ нужно было отворить дверь въ кухню, входилъ въ нее и воровалъ тамъ кусочки овощей, до которыхъ былъ большой охотникъ. Онъ очень любилъ хозяйскую собаку и изъ всѣхъ силъ старался влѣзть къ ней въ конуру. И когда, на отдыхѣ, онъ важно бродилъ по улицѣ, то заигрывалъ съ другими собаками и онѣ цѣлой толпой слѣдовали за нимъ по пятамъ.

Одинъ старый солдатъ, заслуживающій полного довѣрія, рассказывалъ о любви у звѣрей играть вмѣстѣ слѣдующее: «Въ моемъ полку былъ офицеръ, у котораго были кошка и собака. А у меня была ручная мышь. Сначала офицеръ выучилъ кошку таскать въ зубахъ мышь, а затѣмъ приучилъ собаку дѣлать тоже съ кошкой. И всякій разъ какъ въ общей столовой начинался обѣдъ, кошка всегда вспоминала о мыши, а собака о кошкѣ и всѣ онѣ входили въ столовую всегда вмѣстѣ и въ такомъ порядкѣ: у собаки въ зубахъ висѣла кошка, а у кошки мышь. И

онѣ никогда не причиняли другъ дружкѣ ни малѣйшей обиды. Какъ только онѣ появлялись въ столовой, офицеръ приказывалъ собакѣ спустить на полъ кошку, а кошкѣ отпустить мышь, и здѣсь, въ ожиданіи подачи, онѣ весело играли всѣ втроемъ. А затѣмъ, накормивъ ихъ, офицеръ имъ говорилъ: «Ну-съ, а теперь можете убираться!» И онѣ въ томъ-же порядкѣ уходили изъ столовой къ себѣ. И если случалось приходиться кому-нибудь изъ этихъ животныхъ въ столовую одному, то оно испытывало скуку и тотчасъ-же бѣжало за своими подругами».

Но истинная радость существуетъ не только въ воздухѣ и на поверхности земли, но и подъ землею. Губертъ наблюдалъ, какъ въ одинъ ясный день муравьи собрались всѣ вмѣстѣ на своемъ гнѣздѣ и стали упражняться въ такихъ играхъ, которыя иначе и нельзя назвать, какъ атлетическимъ спортомъ. Они вскакивали на заднія лапки и обхвативъ другъ друга передними, начинали бороться, затѣмъ одинъ выпускалъ другого изъ своихъ объятий, позволялъ ему бѣжать и снова его догонялъ. Далѣе они играли другъ съ другомъ въ прятки. И когда кто-нибудь изъ нихъ оставался побѣдителемъ, то онъ собиралъ побѣжденныхъ въ кружокъ, разставлялъ ихъ, какъ кегли, и, бросившись имъ подъ ноги, сшибалъ ихъ съ мѣста. Другой естествоиспытатель Форель рассказываетъ, что онъ не повѣрилъ-бы никому, если-

бы не видалъ собственными глазами, на какія «чисто мальчишескія штуки» способны муравьи. Замѣчательно, что въ своихъ играхъ животныя никогда не ссорятся и никогда не причиняютъ другъ другу зла умышленно. Они отлично понимаютъ, что съ тѣломъ и кровью своихъ близкихъ совсѣмъ нельзя обращаться такъ, какъ обращается съ ними человѣкъ. И всякій разъ, глядя на игры животныхъ, сравниваешь эти игры съ за-

бавами нашихъ дѣтей: сколько иной разъ страданій причиняютъ дѣти своимъ товарищамъ, будь это ребенокъ или животное! И такъ-бы хотѣлось, чтобы въ своихъ играхъ съ животными дѣти пріучались понимать, что животное—это не игрушка, а Божье созданіе, умѣющее мыслить и понимать, и что большая разница въ томъ, чѣмъ играешь и съ кѣмъ тебѣ приходится играть.

УЖЪ СКОРО!

Ужъ скоро, скоро! Мартъ придетъ,
И ярче солнышко засвѣтитъ,
Скворецъ на вѣткѣ запоетъ
И черный грачъ ему отвѣтитъ...

И такъ потянетъ вдругъ туда,
Гдѣ ужъ поля зазеленѣли,
Гдѣ бродятъ мирныя стада
И слышенъ нѣжный звукъ свирѣли.

Запахнетъ въ воздухѣ весной,
И чуть покровы снѣговые
Сходить начнутъ, какъ подъ сосной
Сморчки появятся впервые.

Приди-жь, весна, приди скорѣй,
Мы ждемъ тебя уже полгода,
Ужъ истомилась вся природа.
Согрѣй насъ ласкою своей!

Кузнечикъ.

ИСТОРИЯ О ДВУХЪ СЛОНАХЪ.

(Посвящаю Люлику Маргуліесу).

Это были два маленькіе слона изъ слоновой кости,—совсѣмъ маленькіе, величиной немного болѣе наперстка; но были они совершенно какъ настоящіе: съ длинными хоботами, съ

висячими ушами и крошечными хвостиками, и у каждаго слона торчало по два клыка, какъ у большихъ слоновъ; словомъ, были они такіе хорошенькіе, что на нихъ пріятно было смотрѣть.

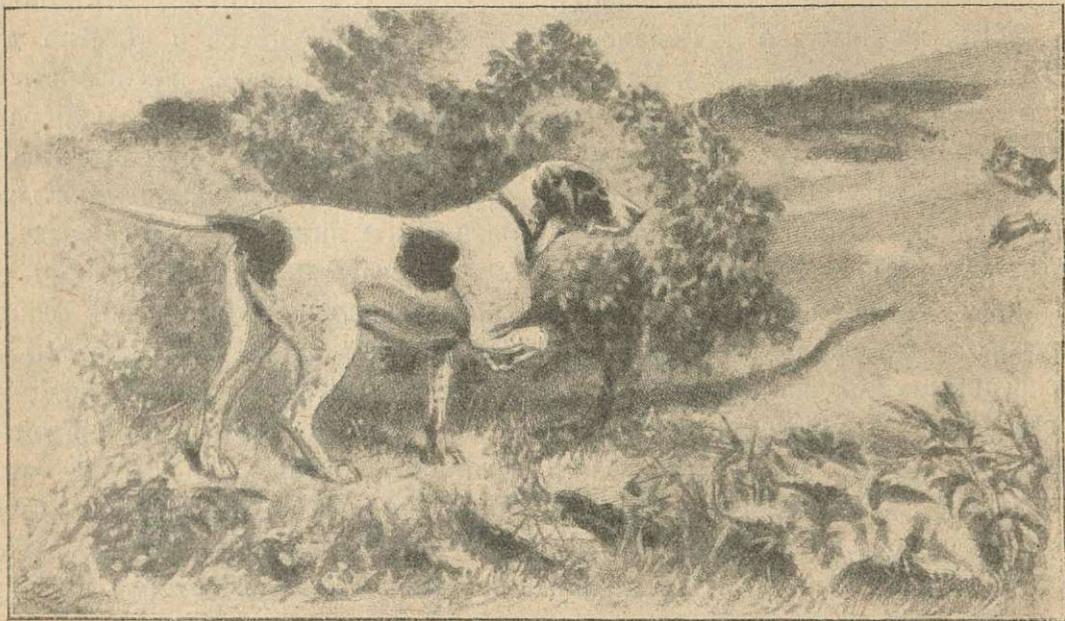
Токарь, который дѣлалъ ихъ, жилъ въ Японіи, въ маленькомъ домицѣ, похожемъ на игрушечный. Въ домицѣ почти не было никакой мебели: только пестрыя соломенные циновки на полу, да лакированныя скамеечки изъ чернаго и краснаго дерева съ нарисованными на нихъ золотыми цвѣтами и птицами, сидѣли всегда всѣ на полу, а на низенькія скамеечки ставили фарфоровыя чашки съ чаемъ, на нихъ же помѣщался и обѣдъ, и все что нужно было. На полу было всегда чисто, потому что кто приходилъ — снималъ деревянные башмаки у дверей и оставался въ бѣлыхъ чулкахъ. Комнаты отдѣлялись одна отъ другой не стѣнами и дверями, какъ у насъ, а передвижными перегородками вродѣ ширмъ, тоже расписанными красивыми узорами; и когда хотѣли комнату увеличить или уменьшить, то только передвигали перегородки. Такимъ образомъ въ домицѣ было столько комнатъ, сколько хотѣлось хозяевамъ. И кроватей тоже не было, а спали на циновкахъ, подъ головой же была у каждаго низенькая подставочка съ емкой для головы. Обѣдали тоже не такъ, какъ у насъ: не накрывали стола, не ставили каждому прибора, а приносили на лакированномъ подносѣ маленькія чашечки, въ которыхъ были готовыя разрѣзанныя на кусочки кушанья, и ѣли ихъ палочками, ловко управляясь съ ними вмѣсто вилокъ и ножей. Намъ все это казалось бы страннымъ, но у вся-

кой страны свои обычаи, и маленькимъ дѣтямъ токаря — мальчику Ю-ки и дѣвчкѣ Іа-ки казалось все это совершенно обыкновеннымъ, и они бы очень удивились, если бы имъ рассказали, что въ другихъ странахъ дѣти сидятъ на высокихъ стульяхъ, спятъ въ кроватяхъ съ сѣтками и ѣдятъ съ помощью острыхъ ножей и вилокъ. Ю-ки и Іа-ки были здоровы, веселы и счастливы. Въ Японіи очень любятъ дѣтей и дѣтство для нихъ золотая пора. У нихъ собственные свои праздники нѣсколько разъ въ году, ихъ любятъ, о нихъ заботятся, для нихъ дѣлаютъ много забавныхъ и интересныхъ игрушекъ, и взрослые очень охотно играютъ съ ними и забавляютъ ихъ, — всѣ одинаково, богатые и бѣдные, праздные и трудящіеся. Такъ, хотя отецъ Ю-ки и Іа-ки былъ человекъ занятой — токарь и рѣзчикъ по дереву — онъ, когда могъ, проводилъ время съ дѣтьми и много рассказывалъ имъ интереснаго. Домицъ ихъ стоялъ въ саду, гдѣ весною цвѣли вишни и яблони, усыпанныя бѣло-розовымъ цвѣтомъ, азалии и піоны всѣхъ цвѣтовъ, а лѣтомъ и осенью — пышныя махровыя хризантемы. Маленькій ручей бѣжалъ по саду передъ домикомъ, и черезъ него былъ перекинутъ мостикъ, а рядомъ росла тѣнистая плакучая ива. Подъ этой ивой отецъ, вынесши свой станокъ, работалъ, а Ю-ки и Іа-ки вертѣлись тутъ же. Пускали змѣя, устраивали цѣлый флотъ изъ лодочекъ, которыя въ свободное время

мастерилъ имъ отецъ, по ручью, и сажали въ лодочки куколъ, которыхъ дѣлали изъ цвѣтовъ піона, отворачивая внизъ лепестки и связывая ихъ юбочкой. А когда наиграются, усаживались около отца, и смотрѣли, какъ онъ вырѣзаетъ разныя искусныя вещи, человѣчковыхъ, животныхъ, цѣлые домики изъ дерева или слоновой кости. Потомъ

выхъ слоновъ они никогда не видали, потому что слоны въ Японіи не водятся, но отецъ рассказалъ имъ, какія это умныя животныя, и какія добрыя, несмотря на то, что такія громадныя—и они очень полюбили маленькихъ слониковъ.

— Давай назовемъ ихъ Ю-ки и Іа-ки, какъ насъ зовутъ!—сказаль Ю-ки своей сестричкѣ.

Пойнтеръ сдѣлалъ «стойку» и такъ и окаменѣлъ въ ожиданіи.

мать приносила имъ туда же ихъ легкій обѣдъ: варенаго рису, душистый чай, сочныхъ микановъ (мандариновъ) и свѣтло-желтыхъ вишень—и отецъ отдыхалъ, покуривая свою трубочку, и рассказывалъ имъ разныя исторіи. Такъ онъ какъ-то выточилъ и двухъ маленькихъ слоновъ. Они были такіе хорошенькіе, что сразу понравились дѣтямъ. Жи-

— Давай!—обрадовалась она.— Вотъ этотъ, что немножко поменьше—пусть будетъ Іа-ки... Хорошо?

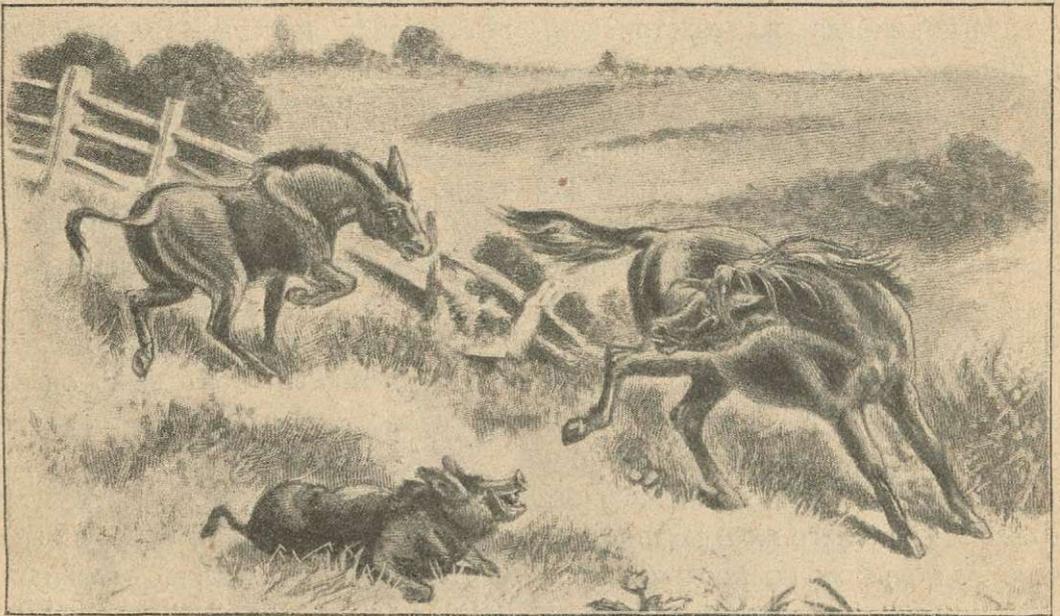
И стали слоники называться Ю-ки и Іа-ки. Они такъ посматривали на дѣтей своими маленькими умными глазками, какъ будто понимали дѣтей, и какъ будто имъ было очень пріятно, что дѣти дали имъ свои имена. Слоникамъ и дѣйствительно

жилося пріятно; они стояли на хо-рошенькой полочкѣ изъ бамбука, въ окна домика къ нимъ заглядывали цвѣтушія вѣтви яблони и душистый вѣтерокъ обвѣвалъ ихъ, а нѣжныя дѣтскія ручки гладили ихъ бѣлыя спинки. И имъ казалось, что всю жизнь они такъ простоятъ на одной полочкѣ, въ тѣсной дружбѣ, будутъ наслаждаться солнцемъ и дѣтской

дѣти очень интересовались будущей судьбой маленькихъ слоновъ и спрашивали у отца:

— А что ты потомъ сдѣлаешь съ Ю-ки и Іа-ки?

Они знали, что отецъ ихъ не богатъ, и не можетъ вырѣзывать солдатъ, слоновъ и цвѣты для своего удовольствія: онъ дѣлаетъ ихъ на продажу, и оттого у нихъ есть до-

Со всѣхъ силъ пони стали поражать вепря копытами заднихъ ногъ.

лаской, а въ лунныя ночи, когда все уснетъ въ долинѣ, будутъ тихо бесѣдовать о чудесахъ своей родины, далекой Индіи, гдѣ растутъ стройныя пальмы, увитыя гибкими ліанами, и голубые цвѣты лотоса отражаются въ волнахъ священной рѣки Ганга, куда въ такія ночи ходятъ купаться цѣлыя стада вольныхъ, сильныхъ слоновъ.

микъ въ цвѣтущемъ саду, и пестрые халатики, и довольно рису на обѣдъ.

— Куда ты продашь ихъ?

— Какъ всегда, въ далекую страну, за нѣсколько морей, а оттуда ихъ распродадутъ по всему свѣту.

— А вдругъ ихъ разлучатъ? — спрашивалъ Ю-ки, а маленькая Іа-ки со страхомъ поднимала на него свои черныя глазки и говорила:

— Не можетъ этого быть, они слишкомъ любятъ другъ друга!

И слоникамъ тоже никогда не приходило въ голову, что ихъ могутъ разлучить. Потому, когда насталь день и токарь взялъ ихъ наконецъ чтобы отнести на продажу—имъ хоть и грустно было покидать дѣтей и пускаться въ неизвѣстность, но поддерживала ихъ мысль, что они будутъ всегда вмѣстѣ.

— Мы никогда не разстанемся, Ю-ки!

— Никогда, Іа-ки!...

Сказали слоники, и мысленно простились съ роднымъ домикомъ и съ дѣтьми. Дѣти не видѣли, какъ грустны были ихъ маленькіе глазки, слишкомъ ужъ сами они были огорчены разлукой съ ними.

И вотъ очутились наши слоны въ маленькомъ ящикѣ, гдѣ ихъ помѣстили, завернувъ въ хлопчатую бумагу, и на время они были какъ-бы отрѣзаны отъ всего міра. Ихъ долго, очень долго везли по морю на пароходѣ, потомъ по желѣзнымъ дорогамъ; иногда движеніе прекращалось—это ждали ящики, когда ихъ нагрузятъ. Лежа въ полной темнотѣ, Ю-ки и Іа-ки шептались и старались представить себѣ тѣ страны, по которымъ они ѣхали, и имъ не очень-то было скучно въ бесѣдахъ, но все-жъ таки они очень были рады, когда ихъ наконецъ вынули изъ ящика, развернули хлопчатую бумагу—и они увидѣли роскошный магазинъ, весь залитой свѣтомъ, гдѣ было множество

всевозможныхъ бездѣлушекъ, игрушекъ и игръ. Глаза у слоновъ разбѣжались при видѣ всего этого разнообразія: тамъ были и разныя животныя, и бабочки, и цвѣты, и куколки, словомъ все, что можно себѣ представить. Нашли они и старыхъ знакомцевъ—человѣчковъ изъ слоновой кости, такихъ-же, какихъ дѣлалъ ихъ токарь, и тѣ имъ очень обрадовались.

— А, здравствуйте, земляки! привѣтствовали они ихъ.—Вы, видно, изъ нашей родной Японіи! Ну, что тамъ дѣлается? Все-ли тамъ цвѣтутъ кризантемы, и большіе вѣера машутъ точно громадныя бабочки крыльями, и въ зелени сосенъ и бамбуковъ весело горятъ цвѣтныя фонарики съ драконами?..

Слоники рассказали имъ все, что могли, о Японіи, и въ свою очередь спросили:

— А гдѣ-же это мы?

— Вы—въ Россіи, въ Петербургѣ. Здѣсь очень холодно, и мрачно, и съ утра зажигаютъ свѣтъ. Мы видимъ здѣсь только поддѣльные цвѣты и намъ очень скучно; мы все мечтаемъ, что кто-нибудь купитъ насъ и увезетъ изъ этой темницы.

— Какъ? Вы называете это роскошное помѣщеніе темницей?

— А вотъ погодите, какъ запрутъ васъ въ стеклянный шкафъ, такъ и вамъ не очень-то будетъ весело.

Дѣйствительно, слоновъ заперли въ шкафъ и они тамъ очень долго стояли; но такъ какъ они были вмѣстѣ, то и тамъ они не скучали. Они

разсматривали входящихъ и уходящихъ людей, обмѣнивались замѣчаниями, наблюдали, кто что покупаетъ; понемногу прощались со своими сосѣдями; хорошенькая маленькая дѣвочка купила черепаху и очень ей радовалась, какой-то гимназистъ съ торжествомъ унесъ крокодила; одинъ старичекъ купилъ всѣхъ человѣчковъ.

— Кто-то купитъ насъ? гадали слоники. Одни покупатели имъ нравились, другіе нѣтъ.

— Вотъ къ этой дамѣ я охотно пошелъ-бы! сказалъ какъ-то Ю-ки, увидѣвъ красивую молодую даму, остановившуюся возлѣ нихъ.—Смотри, какое у нея кроткое лицо, и потомъ она не швыряетъ небрежно вещи, какъ та, что вчера выбирала обезьянокъ, а такъ спокойно и ласково съ ними обращается.

— Да, мнѣ она тоже нравится! подтвердилъ Іа-ки, и вдругъ оба вздрогнули: приказчикъ взялъ Ю-ки и подалъ его дамѣ. Она взглянула на него большими синими глазами, улыбнулась и сказала:

— Вотъ, пожалуйста, этого мнѣ и дайте.

Боже! Что сдѣлалось съ нашими слониками! Іа-ки простоналъ:

— И меня! И меня!.. и кинулся такъ стремительно впередъ, что упалъ съ полки и очутился рядомъ съ Ю-ки. Но никто, кромѣ Ю-ки, не слышалъ его мольбы, а Ю-ки успѣлъ только шепнуть ему съ отчаяніемъ:

— Прощай, Іа-ки! Прощай навсегда! И его завернули, отдали дамѣ—и она

ушла, унося Ю-ки и оставивъ бѣднаго маленькаго Іа-ки въ одиночествѣ. Его опять поставили на прежнюю полку, и онъ плакалъ, плакалъ безъ конца и оплакивалъ дорогого своего друга.

Тѣмъ временемъ дама, купившая Ю-ки, принесла его и подарила другой дамѣ, которая ему очень обрадовалась и сейчасъ-же, за колечко вдѣланное въ его спинку, прикрѣпила его къ длинной цѣпочкѣ, на которой у нея были часы. Она обращалась съ Ю-ки очень ласково и называла его хорошенькимъ; но что были ея ласки для Ю-ки, когда онъ все время думалъ о своемъ Іа-ки?

Нѣсколько дней томился онъ на цѣпи у дамы, наконецъ рѣшился бѣжать и постараться разыскать своего товарища. Онъ воспользовался случаемъ, когда его хозяйка была гдѣ-то въ гостяхъ и заговорила, такъ что не замѣтила, какъ онъ сорвался съ цѣпи и прыгнулъ на полъ. Но бѣдный слоникъ не зналъ дороги; онъ заблудился, попалъ въ темный уголь, и лежалъ тамъ во мракѣ и въ тѣни, забытый всѣми, какъ онъ горько думалъ.

Въ это время его хозяйка, придя домой, хватилась своего слоника и очень огорчилась его пропажей. Она рассказала своей пріятельницѣ, подарившей ей слоника, что онъ пропалъ и что ей очень его жалко.

— Ничего, я вамъ подарю другого такого-же, утѣшила ее пріятельница:—я видѣла въ магазинѣ точно такого-же слоника.

И вотъ она опять отправилась въ магазинъ, гдѣ грустный и одинокій стоялъ на своей полкѣ Іа-ки. Глаза его такъ помутнѣли отъ слезъ, что онъ даже не видѣлъ, кто его купилъ. Онъ равнодушно позволилъ себя завернуть, и отдался на волю судьбы, совершенно не интересуясь тѣмъ, куда онъ попадетъ. Все равно вѣдь, не видать ему милаго друга, вѣрнаго Іо-ки!

Грустный и печальный взглянулъ онъ на свою новую хозяйку, не обратилъ никакого вниманія на веселую зеленую комнатку, полную цвѣтовъ и бездѣлушекъ, куда онъ попалъ и равнодушно остался жить, прикованный къ той самой цѣпи, съ которой сорвался такъ недавно Іо-ки. Если-бы онъ это зналъ!

Вскорѣ послѣ этого его хозяйка отправилась гулять и зашла къ одной своей знакомой. Та весело встрѣтила ее и сказала:

— А что я вамъ покажу!

— Что такое?

— Вы у меня прошлый разъ потеряли маленькаго бѣлаго слона, такъ вотъ полотеры были и нашли его въ углу подъ диваномъ!

— Да что вы говорите! обрадовалась та.—Теперь у меня будутъ два слоника!

Она быстро взяла маленькаго бѣглеца и надѣла его на свою цѣпочку—

и что-же? Іа-ки увидѣлъ Іо-ки, и оба они отъ радости прямо онѣмѣли.

Пока дамы занимались разговорами, не теряли времени и слоники. Они рассказывали другъ другу все, что съ ними было за это время, и не находили словъ, чтобъ поблагодарить судьбу за такую чудесную встрѣчу.

Когда они вернулись домой и очутились на зеленой этажеркѣ, рядомъ съ которой стояла японская ширма, расшитая ласточками и ирисами, и въ фарфоровомъ горшкѣ цвѣла розовая азалия—Іо-ки и Іа-ки показались, что они на далекой родинѣ.

И когда ночью взошла луна и взглянула въ окошко—она освѣтила двухъ самыхъ счастливыхъ слониковъ въ мірѣ.

Съ этихъ поръ Іо-ки и Іа-ки живутъ вмѣстѣ, и ужъ больше никогда не разлучаются. У ихъ хозяйки много всякихъ слоновъ, которыхъ она очень любитъ, и изъ бронзы, и изъ чернаго дерева, и изъ фарфора. И по ночамъ, когда въ домѣ всѣ спятъ, слоны тихо бесѣдуютъ и рассказываютъ другъ другу сказки, о пышномъ Цейлонѣ, о чудной Индіи, о цвѣтушихъ персиковыхъ садахъ Японіи, о далекихъ своихъ родныхъ краяхъ, въ холодномъ и туманномъ Петербургѣ.

Т. Щепкина-Куперникъ.

Б А Р Р И.

(Повѣсть ¹).

(Окончаніе).

На самой вершинѣ Альпъ, тамъ, гдѣ лѣто бываетъ настолько коротко, что овецъ выгоняютъ пастись только въ іюнѣ, стоитъ монастырь святого Бернара, иначе — Сень-Бернарскій монастырь. Онъ находится какъ разъ на срединѣ пути между Швейцаріей и Италіей и тѣ, кто отправляется черезъ Сень-Готардскій проходъ, ночуютъ въ Сень-Бернарскомъ монастырѣ. Кругомъ монастыря ходятъ облака, часто идутъ дожди, а въ грозу или въ снѣжную метель кругомъ него бываетъ даже страшно. Громъ гремитъ такъ, что сваливаются скалы съ горъ, и съ шумомъ срываются внизъ, въ далекія пропасти, загромождая все на своемъ пути. А когда наступаетъ зима и кругомъ поднимается метель, то ни одинъ человѣкъ уже не можетъ добраться до монастыря: дороги къ нему становятся непроходимыми и тѣ, кто рискнулъ, погибаютъ или пропадаютъ безслѣдно подъ снѣгами.

И монахи собираются въ такую погоду у себя въ церкви, зажигаютъ свѣчи и начинаютъ молиться... А затѣмъ, когда метель становится сильнѣе, они начинаютъ звонить въ са-

мый большой колоколъ на колокольнѣ, чтобы путники слышали ихъ звонъ и шли къ нимъ скорѣе. Когда же метель немного поутихнетъ, они зажигаютъ фонари, берутъ съ собою своихъ собакъ и идутъ съ ними на поиски. Собаки бѣгутъ впереди, обнюхиваютъ каждый шагъ, лаютъ и, остановившись затѣмъ на одномъ мѣстѣ, начинаютъ лапами раскапывать снѣгъ. Монахи помогаютъ имъ и скорѣе на томъ мѣстѣ находятъ глубоко подъ снѣгомъ человѣка. Онъ полузамерзъ, ничего не чувствуетъ и ничего не сознаетъ. Они кладутъ его на носилки и несутъ къ себѣ въ монастырь. Здѣсь они отогрѣваютъ его, даютъ ему поѣсть и снова отправляются съ собаками на поиски.

И такъ они поступаютъ каждый годъ, каждую зиму, каждую метель, и нѣтъ числа тѣмъ несчастнымъ путникамъ, которыхъ отыскали подъ снѣгомъ ихъ собаки.

Такъ было и въ эту метель, когда Жанна Сюзоръ шла черезъ Сень-Готардскій проходъ вмѣстѣ съ Кламераномъ.

— Бенедиктъ! обратился настоятель монастыря къ ключарю. — Въ

¹) Собственность «Золотого Дѣтства».

которомъ часу сегодня будетъ почта изъ Люцерна?

— Около восьми часовъ вечера, святой отецъ, отвѣтилъ Бенедиктъ. — Сейчасъ уже семь и если дилижансъ не прибудетъ черезъ часъ, то это значить, что онъ задержался въ дорогѣ. Вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и мечетъ, отъ снѣга не видно кругомъ ничего на аршинъ и я боюсь за тѣхъ пассажировъ, которыхъ непогода застала въ пути. Да помогутъ имъ Богъ и Пресвятая Дѣва!

— Аминь! Погода дѣйствительно плохая, Бенедиктъ. Не начать ли намъ звонить?

— Я такъ полагаю, святой отецъ, что часъ еще можно подождать, а если дилижансъ не пріѣдетъ черезъ часъ, то я прикажу Августину ударять.

— Ну, а что наши собаки?

— Воюгъ, святой отецъ. А вѣдь вашему преподобию извѣстно, что значить, когда наши собаки начинаютъ выть.

Настоятель сложилъ руки ладонями вмѣстѣ и поднялъ кверху глаза.

— Да будетъ воля Господня, сказалъ онъ. — Сегодня ночью быть бѣдѣ. А что нашъ Барри?

— Умная собака молчитъ, святой отецъ, отвѣтилъ Бенедиктъ, — но достаточно взглянуть на ея печальные и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойные глаза, чтобы понять, въ чемъ дѣло: и Барри предчувствуетъ метель!

— Не давать собакамъ ѣсть, Бенедиктъ, и имѣть наготовѣ фонари!

— Слушаю, святой отецъ!

И, низко поклонившись, Бенедиктъ вышелъ изъ кельи настоятеля.

Буря уже ревѣла и ей вторили съ задняго двора собаки. Монахи мрачными тѣнями переходили одинъ къ другому и съ безпокойствомъ спрашивали другъ у друга, не слышно-ли еще чего о дилижансѣ?

— Который часъ?

— Половина восьмого.

— Не слышно-ли, гдѣ дилижансъ изъ Люцерна? Не слыхалъ-ли кто-нибудь трубу Луиджи?

— Нѣтъ, не слыхалъ...

И опять томительные полчаса, полные безпокойства.

— Который часъ?

— Уже восемь, святой отецъ.

— Ну, что дилижансъ изъ Люцерна? Еще не слышно его трубы?

— Его еще нѣтъ, святой отецъ...

Настоятель опять складываетъ руки ладонями вмѣстѣ и тихо шепчетъ молитву.

— Прикажи, Бенедиктъ, звонить... говоритъ онъ. — Бѣдные путники потеряли дорогу. Да поможетъ имъ Богъ.

— Аминь!.. отвѣчаетъ Бенедиктъ и выходитъ изъ кельи.

И вслѣдъ затѣмъ начинается звонить колоколъ. Вѣтеръ разноситъ его удары далеко вокругъ и эхо отвѣчаетъ на нихъ въ пропастьяхъ и долинахъ.

Звукамъ колокола вторитъ вой собакъ.

— Быть бѣдѣ!.. говорятъ монахи. — Быть бѣдѣ!

А большой сень-бернарскій песъ Барри лежитъ въ углу и, положивъ морду на переднія лапы, тяжело вздыхаетъ и иногда жалобно скулитъ. Онъ тоже предчувствуетъ снѣжную бурю, тоже предчувствуетъ бѣду.

Онъ спасъ уже десятки путниковъ, онъ откопалъ въ снѣгу уже два дилижанса вмѣстѣ съ пассажирами и лошадьми и два раза онъ нашель гдѣ-то подъ снѣгомъ двухъ маленькихъ дѣтей, которыхъ принесъ въ монастырь у себя на спинѣ.

Барри опытенъ и ему нельзя не вѣрить.

Быть бѣдѣ!

— Который часъ?

— Уже девять, святой отецъ. Колоколь звонитъ уже цѣлый часъ, но рожка Луиджи еще неслышно.

— Спустите собакъ!

Монахи бѣгутъ къ собакамъ, привѣшиваютъ имъ на ошейники по бутылкѣ вина, чтобы тотъ, кого онѣ найдутъ, могъ обогрѣть свое иззябшее тѣло, и выпускаютъ ихъ изъ собачника. Съ громкимъ воемъ онѣ выбѣгаютъ изъ воротъ монастыря и скоро исчезаютъ въ ночной темнотѣ. Вой ихъ скоро стихаетъ подъ ревомъ непогоды и только иногда съ далекихъ горъ доносится ихъ громкій лай.

Онѣ лаютъ. Онѣ зовутъ путника. Онѣ ищутъ его по слѣдамъ.

Ихъ шесть большихъ собакъ. Всѣ онѣ умѣютъ отыскивать людей и подавать имъ помощь. И всѣ онѣ убѣжали.

Одинъ только Барри остался дома.

Онъ по-прежнему лежитъ въ углу и, положивъ морду на переднія лапы, по-прежнему тяжело вздыхаетъ и жалобно скулитъ.

— Барри беспокоится, говорятъ монахи,—онъ чувствуетъ бѣду. Намъ придется не спать всю ночь. Приготовьте же длинную веревку и фонари! Мы привяжемъ себя веревкой другъ къ другу, чтобы не сорваться кому-нибудь изъ насъ со скалы и не упасть въ пропасть, а фонарями будемъ освѣщать себѣ путь. Барри будетъ указывать намъ дорогу. Да поможетъ намъ Богъ!

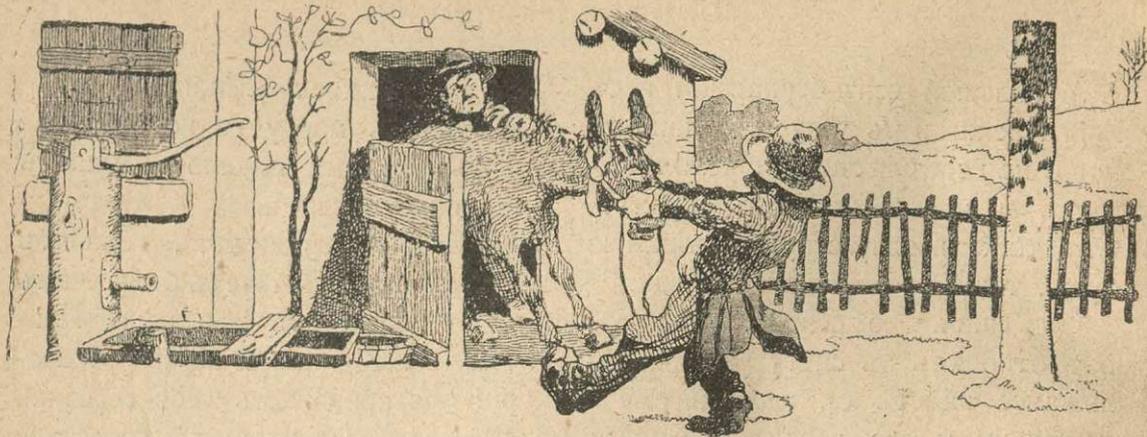
— Аминь!.. отвѣчаютъ другіе монахи и начинаютъ готовить веревку и фонари.

Но чу! что это слышно? Что это за звукъ? Это Луиджи играетъ въ свой рожокъ!

Почти у самыхъ монастырскихъ воротъ радостно лаютъ возвратившіяся собаки, фыркаютъ лошади и играетъ въ рожокъ Луиджи. Дилижансъ изъ Люцерна доѣхалъ до монастыря.

Монахи, что-же вы стоите въ изумленіи, отчего не бѣжите на встрѣчу Луиджи, отчего не спѣшите отворить ему ворота?

И оправившись отъ удивленія, они бѣгутъ дилижансу на встрѣчу и отворяютъ передъ нимъ ворота. Луиджи вѣзжаетъ въ монастырскій дворъ и весело играетъ на рожкѣ. Дилижансъ весь облѣпленъ снѣгомъ, его колеса обледенѣли, мазь на осяхъ застыла и колеса уже не вертятся. Бѣдныя лошади едва стоятъ на но-

ВОРЫ И ОСЕЛЪ.

(Басня).

Два вора ослика украли,
Но какъ поладить съ нимъ потомъ,
Они рѣшительно не знали
И долго спорили о томъ.

— «Продать осли и подѣлиться!»
Кричалъ одинъ и изъ всѣхъ силъ
Осли изъ хлѣва вонъ тащилъ.

— «Не такъ я глупъ, чтобъ согла-
ситься»,

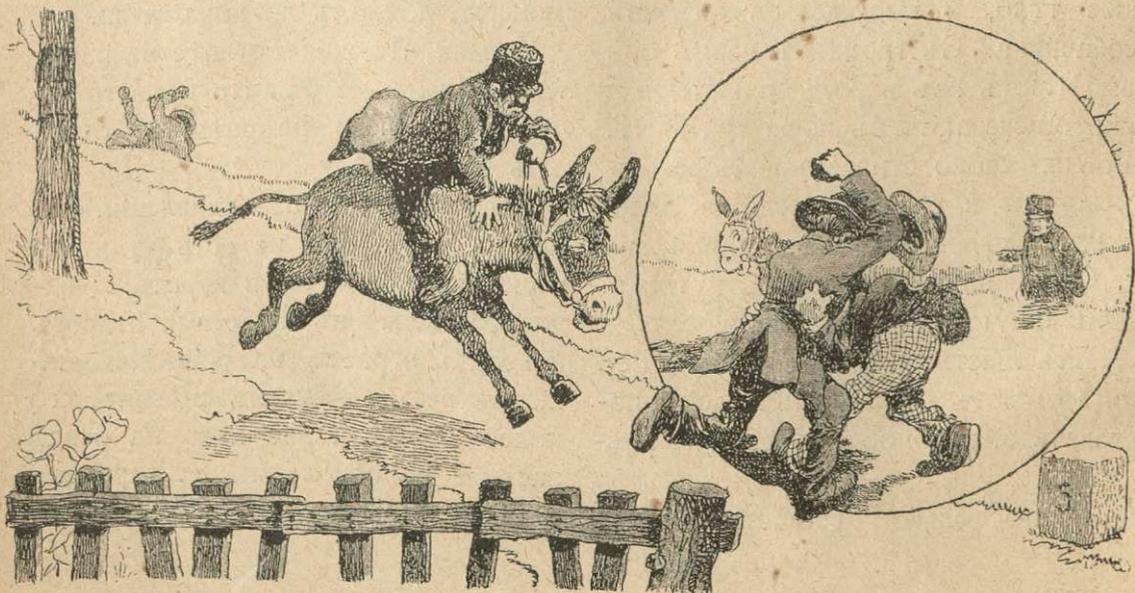
Кричалъ другой. — «Лишь только мы
Съ ослomъ посмѣемъ появиться,
Какъ не избѣгнуть намъ тюрьмы...
Тотчасъ начнутся разговоры;
Всѣ сразу скажутъ:— Это воры!

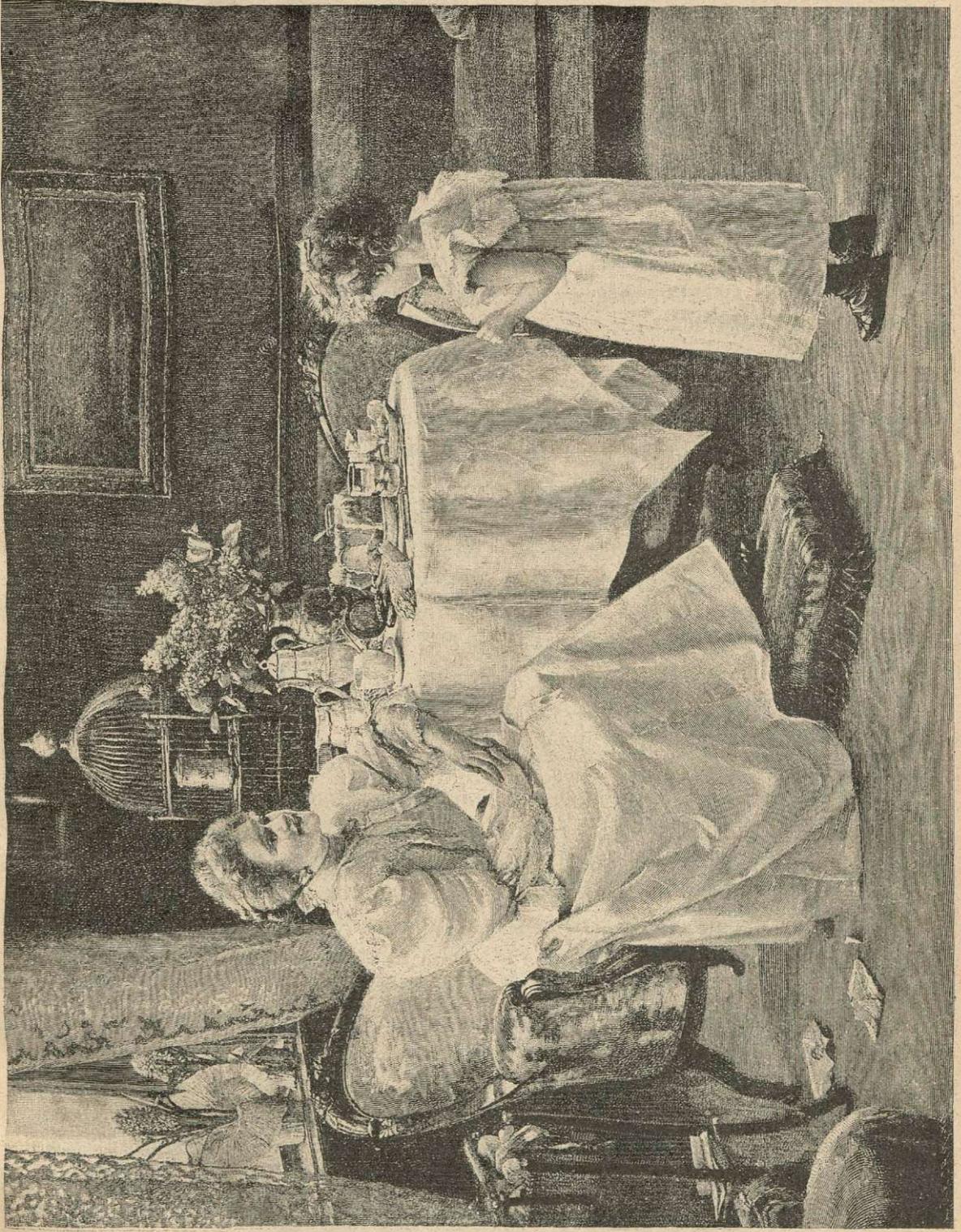
А отъ тюрьмы да отъ сумы
Никто не смѣетъ отречься!»

И стали воры шибко драться...
Случайно былъ тутъ третій воръ.
Подслушавъ этотъ разговоръ,
Онъ тихо къ ослику подкрался,
Укралъ его и съ нимъ умчался.

Такъ въ жизни иногда бываетъ,
Что тотъ почти всегда теряетъ,
Кто вещь нечестно добываетъ.
И если не засудитъ судъ,
То вора воры-жъ оберутъ.

Дядя Бобъ.

Именины мамы.

гахъ. Онѣ тоже всѣ въ снѣгу и едва дотращили дилижансъ. Пассажиры вылѣзаютъ изъ кареты, бросаются другъ къ другу въ объятія и благодарятъ монаховъ за собакъ. А онѣ стоятъ тутъ-же, радостно лаютъ и виляютъ хвостами.

— Мы совсѣмъ уже сбились съ пути, говоритъ Луиджи,—и если-бы вы не выслали собакъ, то мы такъ и не нашли бы дорогу!

— Мы совсѣмъ уже приготовились умирать, говорятъ пассажиры, — но ваши собаки отыскали насъ и помогли намъ сюда добраться. Да хранить васъ Богъ! Наши жены и дѣти ожидаютъ насъ въ Италиі и безпокоятся за насъ. Теперь ужъ мы дождемъ благополучно!

И они начинаютъ ласкать собакъ.

— Который часъ?

— Уже десять, святой отецъ.

— Обогрѣйте путниковъ и дайте имъ поѣсть!

— Все уже сдѣлано, святой отецъ.

— Спросите у Луиджи, шелъ ли кто-нибудь сзади него и не обогналъ ли онъ по дорогѣ кого-нибудь впереди?

— Мы уже спрашивали его, святой отецъ. Онъ говоритъ, что послѣ него изъ Люцерна не долженъ былъ ѣхать никто и что онъ не обгонялъ по дорогѣ никого.

— Въ такомъ случаѣ заprite собакъ опять въ собачникъ и пусть Августинъ перестанетъ звонить!

— Аминь!

И собаки были опять помѣщены въ собачникъ и колоколь пересталъ зво-

нить. Это было въ тотъ самый моментъ, когда Кламеранъ сбросилъ въ пропасть Жанну и ея ребенка и когда самъ сбился съ пути.

Теперь ты погибнешь, Кламеранъ! Собаки заперты, колоколь пересталъ звонить и всѣ монахи разошлись уже по кельямъ на покой. Кто тебя спасетъ?

Темная ночь. Вѣтеръ по-прежнему злится и воетъ и снѣгъ тучами носится надъ одинокимъ монастыремъ. Всѣ спятъ, собаки уже не воютъ и лошади мирно фыркаютъ и жуютъ овесъ.

Только одинъ Барри не спитъ. Онъ волнуется, вскакиваетъ съ мѣста, вновь ложится въ свой уголь, скулить и часто долго-долго нюхаетъ воздухъ. Онъ что-то чувствуетъ.

— Уймись, Барри! говоритъ ему съ просонья монахъ.— Ты мѣшаешь мнѣ спать!

Но Барри становится все безпокойнѣе. Онъ начинаетъ уже визжать и быстро бѣгать по комнатѣ. Онъ останавливается передъ запертой дверью, нюхаетъ въ нее и громко царапаетъ ее когтями. Уймись, Барри, вѣдь дилижансъ уже пріѣхалъ и всѣ пассажиры налицо!

Но Барри не хочетъ униматься. Вѣтеръ становится все сильнѣе и сильнѣе, вьюга еще злѣе потрясаетъ крышами монастыря и стону непогоды начинаетъ вторить и собака. Барри начинаетъ выть.

Тукъ-тукъ-тукъ!

— Кто тамъ?

— Это я, святой отецъ.

— Чего тебѣ, Бенедиктъ?

— Барри началъ уже выть, святой отецъ. Онъ не успокаивался всю ночь. Какъ съ нимъ поступить?

Настоятель поднялся съ жесткой постели, всунулъ ноги въ сандалии и поправилъ на лампадкѣ огонекъ.

— Барри сталъ уже выть? переспросилъ онъ. — Ты говоришь, что онъ уже воетъ?

— Да, святой отецъ, отвѣтилъ Бенедиктъ. — Мнѣ кажется, что онъ что-то чуетъ.

— А какъ другія собаки?

— Другія собаки молчатъ.

— Въ такомъ случаѣ выпусти Барри одного. Пусть онъ пробѣжится одинъ, убѣдится, что въ горахъ никого нѣтъ, и возвратится обратно.

— Слушаю, святой отецъ.

И Бенедиктъ отправился къ Барри, прицѣпилъ ему на шею корзиночку съ хлѣбомъ и виномъ и повелъ его къ выходу изъ монастыря. Барри прыгалъ отъ радости, какъ маленькій щенокъ, лизалъ Бенедикту руки и весело визжалъ.

— Кто идетъ?

— Это я, Ксаверій, — ключарь Бенедиктъ. Отвори калитку. Меня нечего бояться, я свой.

— Что тебѣ нужно?

— Я долженъ сейчасъ выпустить собаку Барри... Она просится въ горы. Если она кого-нибудь найдетъ, то ты прибѣги ко мнѣ и дай мнѣ знать.

Желѣзные запоры на калиткѣ закрипѣли и Ксаверій съ трудомъ от-

ворилъ калитку, которую чуть не на треть занесло снѣгомъ съ обѣихъ сторонъ.

Барри взвизнулъ, выскочилъ на волю и исчезъ во мракѣ ночи.

А вѣтеръ становился еще сильнѣе и изъ-за снѣга уже не видно было свѣта фонаря.

— Эхъ-хе-хе-хе! зѣвнулъ Бенедиктъ, снова укладываясь на голыя доски спать. — Что-то будетъ, что-то будетъ?..

— Звонить во всѣ колокола! Разжигайте вездѣ костры! Возьмитесь всѣ за длинную веревку и идите въ горы искать! Барри вернулся и принесъ на своей спинѣ ребенка! Онъ сбросилъ его прямо на снѣгъ и снова помчался въ горы!

Монахи хлопчутъ около ребенка, они оттираютъ его, даютъ ему теплаго молока. Онъ открываетъ глаза и зоветъ свою мать!

Скорѣе, монахи! Тамъ въ снѣгу лежитъ его мать!

Они берутся за длинную веревку и ошупью идутъ изъ монастыря. Передъ ними темно, позади ихъ тоже темно и дикія горы обступили ихъ со всѣхъ сторонъ. Вмѣстѣ съ вѣтромъ до нихъ долетаютъ звуки монастырскихъ колоколовъ, а гдѣ-то далеко внизу громко лаеетъ ихъ Барри.

Гдѣ ты, Барри? Что ты тамъ нашелъ?

Монахи спускаются осторожно къ Барри, направляютъ на него фонарь

и видятъ, что тамъ что-то лежитъ и что онъ это что-то облизываетъ...

Что это? Что лижетъ Барри?

Это женское лицо, которое онъ откопалъ изъ-подъ снѣга. Онъ лижетъ и лаетъ и въ то-же время старается лапами откопать его пошире.

Монахи помогаютъ ему и скоро выкапываютъ изъ-подъ снѣга женщину. Она еще теплая, отъ нея идетъ паръ. Монахи даютъ ей вина, она приходитъ въ себя, открываетъ глаза и говоритъ:

— Гдѣ мой мальчикъ? Гдѣ мой сынъ?

Женщина, твой мальчикъ уже спасенъ, онъ уже въ монастырѣ и зоветъ свою мать. Его спасъ знаменитый Барри! Но только онъ не твой сынъ. Это сынъ герцога Борегара-Жакъ, а твой сынъ Робертъ уже въ Италіи,—тамъ, гдѣ теперь тепло, пахнутъ розы и деревья уже всѣ въ цвѣту!

Монахи кладутъ ее на носилки и несутъ ее въ монастырь. Одинъ за другимъ, по узкой тропинкѣ они выбираютъ изъ пропасти и, держась за веревку, чтобы не сорваться и не упасть, выходятъ въ Сенъ-Готардскій проходъ. Впереди ихъ шествуетъ Барри и, довольный, виляетъ хвостомъ.

Вдругъ Барри останавливается и начинаетъ тревожно лаять.

Что это? Пенёкъ или камень, торчащій изъ-подъ снѣга?

Нѣтъ, это тоже человѣкъ. Это Кламеранъ!

Онъ сидитъ въ снѣгу, обнявъ колѣни и склонивъ голову на грудь, и

вѣтеръ засыпаетъ его снѣгомъ. Но снѣгъ уже не таетъ на его лицѣ и рукахъ, потому что Кламеранъ уже замерзъ.

— Какая жалость! говорятъ монахи.—Мы уже не можемъ ему помочь! Это должно быть мужъ этой несчастной женщины и отецъ ея ребенка!

Но въ это время Жанна поднимаетъ съ носилокъ голову, глядитъ на окоченѣвшій трупъ и говоритъ:

— Это не мужъ, а злодѣй!

И всѣ вереницей отправляются въ монастырь.

Два дня и двѣ ночи продолжалась эта страшная метель. А когда она прекратилась, то засіяло солнце и горы заблестали снѣговымъ покровомъ. Небо стало голубымъ, безоблачнымъ и ни малѣйшій вѣтерокъ уже не дулъ съ сѣвера. Пригрѣваемая солнцемъ, таяли на крышахъ ледяныя сосульки и капельки съ нихъ падали внизъ и долбили рыхлый, ноздреватый снѣгъ.

Луиджи уже подмазалъ свой экипажъ и запрегъ въ него лошадей и снова весело наигрывалъ на своемъ рожкѣ. Сейчасъ онъ отправится въ путь. Теперь всю дорогу отъ монастыря онъ уже будетъ спускаться внизъ и къ полудню вѣдетъ уже въ ту страну, гдѣ никогда не бываетъ такой суровой зимы.

Пассажиры столпились вокругъ его дилижанса, спѣшатъ, укладываютъ въ него свои вещи. Спѣшитъ и Жан-

на Сюзоръ. Она купила себѣ мѣсто въ немъ же и поѣдетъ теперь не одна, а съ другими. Ей весело. Пережитыя страданія кажутся ей ушедшими куда-то далеко и вмѣстѣ съ яснымъ небомъ кажется ей яснымъ и ея будущее.

Сегодня она будетъ уже въ Миланѣ и поселится у герцога Борегаръ. Для нея настанетъ мирная, спокойная жизнь и она не будетъ уже подвергать себя и своего ребенка опасности остаться безъ куска хлѣба и подъ открытымъ небомъ безъ ночлега.

Всѣ усаживаются въ дилижансъ. Вокругъ стоятъ монахи и провожаютъ ихъ съ ласковыми пожеланіями счастливаго пути. Выходитъ настоятель и осѣняетъ ихъ крестомъ. Тутъ же ходятъ собаки, и между ними умный Барри, и помахиваютъ хвостами.

— Все готово?

— Все!

Луиджи играетъ на своей трубѣ, щелкаетъ бичемъ и, хрустя по снѣгу копытами, лошади трогаются въ путь.

— Прощайте! кричатъ имъ вслѣдъ монахи.—Да хранитъ васъ Богъ!

— До свиданія! отвѣчаютъ имъ пассажиры и машутъ имъ платками изъ дилижанса.— Прощай, Барри! Спасибо тебѣ! Спасибо вамъ, собаки!

Монахи стоятъ и смотрятъ имъ вслѣдъ. Барри еще долго бѣжитъ вслѣдъ за экипажемъ, а затѣмъ останавливается, долго провожаетъ его взглядомъ и степенно возвращается въ монастырь.

Поворотъ вправо, затѣмъ поворотъ влево и маленькій подъемъ—и красныя, черепичныя крыши монастыря исчезаютъ въ котловинѣ.

Прощай, монастырь! Прощайте гостепріимные, добрые монахи!

Дилижансъ спускается все ниже и ниже, вотъ уже кончилась линія снѣговъ и потянулись голыя скалы съ вѣковыми соснами на вершинахъ, вотъ зазеленѣла травка, а вотъ уже стали показываться и зеленыя деревья. Въ лицо дуетъ теплый, ароматный вѣтерокъ и Жанна не можетъ имъ надышаться. Какъ-то невѣрится даже, что всего только нѣсколько часовъ тому назадъ была жестокая, суровая зима и что только два дня тому назадъ пассажиры чуть не погибли въ снѣгахъ.

— А это что тамъ виднѣется внизу? спрашиваетъ Жанна сосѣда, который въ этихъ мѣстахъ бывалъ уже не разъ.

Пассажиръ высовывается изъ окна и смотритъ внизъ.

— Это знаменитая Ломбардская долина, отвѣчаетъ онъ.—Она теперь вся въ цвѣту. Черезъ два-три часа передъ нами уже потянутся фруктовые сады и заблестятъ прекрасныя озера.

Стали попадаться на встрѣчу веселые итальянцы. Жанна смотрѣла на ихъ загорѣлыя лица и ей казалось, что она попала въ рай, гдѣ всегда тепло и гдѣ ей уже не придется больше страдать. И новое чувство радости, котораго она еще не

испытывала никогда, наполнило ея душу надеждой.

— Тебѣ жарко, мой мальчикъ? обратилась она къ Жаку.—Дай, я тебя раскрою! Вотъ видишь, въ какую прекрасную страну мы съ тобой заѣхали!

И она растегнула ему пальто и ей было пріятно, что ея мальчикъ раскраснѣлся отъ тепла.

Наступилъ вечеръ. Сѣло теплое солнце и на западѣ зажглась пламенная, оранжевая заря. Задулъ теплый вѣтерокъ и отъ цвѣтущихъ садовъ потянуло ароматомъ. Апельсинныя деревья уже сбрасывали лепестки со своихъ цвѣтовъ и они покрывали собою шоссе и катились отъ вѣтерка передъ лошадьми. Затѣмъ заря погасла, спустилась темная, тихая ночь и съ неба стали смотрѣть на людей тысячи яркихъ звѣздъ. Жакъ спалъ уже на колѣняхъ у Жанны, сама она задремала и не слышала, какъ дилижансъ вѣхалъ въ городъ и какъ колеса его застучали по мостовой.

— Тпру!.. раздался голосъ Луиджи. Жанна открыла глаза.

Горѣли фонари, по улицѣ взадъ и впередъ стремились прохожіе и откуда-то доносились звуки оркестра. Пассажиры засуетились, стали собирать свои вещи и скоро разошлись съ такимъ видомъ, точно съ ними ничего никогда и не происходило.

— Это Миланъ? спросила Жанна.

— Нѣтъ, сеньора, отвѣчалъ ей Луиджи,—это не Миланъ, а только

Лугано. Дальше дилижансъ уже не идетъ. Если вы ѣдете въ Миланъ, то вамъ нужно ѣхать туда уже на другомъ дилижансѣ.

Она взяла свой скромный узелокъ и вмѣстѣ съ ребенкомъ отправилась на почтовый дворъ. Было тепло, нахло цвѣтами, гдѣ-то играли на гитарѣ и ей весело было идти черезъ этотъ первый для нея итальянскій городъ.

Но вотъ ужъ и почтовый дворъ. Подъѣзжаютъ экипажи, трубятъ рожки, она беретъ билетъ до Милана и садится въ дилижансъ.

Деревни, городки и отдѣльныя виллы мелькаютъ передъ нею въ темнотѣ, сонъ смежаетъ ей рѣсницы, но она все глядитъ въ открытое окно кареты и все никакъ не можетъ поверить, что она уже въ Италіи.

Утро, большой городъ, громадныя дворцы. На площади стоитъ великолѣпный, точно въ кружевахъ, соборъ.

Это Миланъ.

Жанна выходитъ изъ кареты и не знаетъ, куда ей идти

— Не вы-ли Жанна Сюзоръ? вдругъ обращается къ ней какой-то господинъ въ высокой шляпѣ.

— Я, отвѣчаетъ Жанна.

— Я—герцогъ Борегаръ, говоритъ ей господинъ и вѣжливо приподнимаетъ передъ нею шляпу.—Моя жена уже давно ждетъ васъ, а мой сынъ давно уже хочетъ играть съ вашимъ Робертомъ.

Они садятся въ роскошный экипажъ и черезъ весь городъ ѣдутъ

въ виллу герцога, всю утопающую въ тропической зелени.

А когда они подъѣзжаютъ къ ея крыльцу, къ нимъ на встрѣчу выходитъ сама герцогиня и съ нею маленькій мальчикъ по третьему году.

Герцогиня смотритъ то на Жанну, то на этого мальчика, а Жанна въ изумленіи глядитъ то на герцогиню, то на того ребенка, котораго она привезла съ собою.

— Какъ мой ребенокъ похожъ на васъ! говоритъ наконецъ герцогиня.

— А какъ мой ребенокъ похожъ на васъ, герцогиня! отвѣчаетъ ей Жанна.

А затѣмъ Жанна подходитъ къ ребенку герцогини, цѣлуетъ его и видитъ у него на затылкѣ шрамъ отъ паденія на жестянку и тотъ золотой крестъ, который она когда-то подняла по дорогѣ къ Воспитательному дому и надѣла его на сына.

— Это мой сынъ Робертъ! говоритъ Жанна.—Откуда онъ у васъ?

— Это мой сынъ Жакъ! говоритъ и герцогиня.—Откуда онъ у васъ?

И прежде чѣмъ войти въ домъ, Жанна бросается къ колѣнямъ герцогини и рассказываетъ ей все, что описано въ этой правдивой исторіи.

Герцогиня беретъ ее за руку, притягиваетъ ее къ себѣ, прижимаетъ ее къ сердцу и горячо цѣлуетъ.

— Вы спасли, Жанна, моего ребенка Жака, говоритъ она,—вы съ опасностью для собственной жизни сохраняли его во время пути! Будьте же моей сестрою!

Жанна почувствовала, какъ растаяло ея сердце, какъ что-то подкатило ей къ самому горлу и какъ слезы потекли у нея по щекамъ.

— О, ваша свѣтлость!.. едва имѣла силъ она произнести.—Это не я, а Барри!..

А герцогъ стоялъ тутъ-же, растроганный и благодарный, и обнималъ своего сына Жака и слезы тоже струились у него по щекамъ.

— И такъ, сказалъ онъ,—мы чуть-было не перемѣшались дѣтьми. Будьте же вы, Жанна, нашей сестрою и пусть наши дѣти Жакъ и Робертъ растутъ вмѣстѣ и не расстаются никогда! Пусть они будутъ, какъ родные братья!

И всѣ вмѣстѣ они вошли въ богатую виллу—герцогъ, герцогиня и Жанна Сюзоръ. А впереди нихъ, весело щечеча, какъ птички, бѣжали отнынѣ два брата, два подкидыша—Жакъ и Робертъ.

Пять лѣтъ спустя, герцогъ Боргаръ ѣхалъ изъ Милана въ Парижъ. Проѣзжая черезъ Сень-Готардскій проходъ, онъ остановился въ Сень-Бернарскомъ монастырѣ.

— А гдѣ теперь собака Барри? спросилъ онъ все у того-же монаха Бенедикта.

Монахъ глубоко вздохнулъ и опустилъ глаза.

— Барри уже нѣтъ... отвѣтилъ онъ.—Барри умеръ... Онъ спасъ семьдесятъ челоуѣкъ и издохъ!

— А гдѣ его закопали? полюбоствовалъ Борегаръ.

— Вонъ тамъ, направо, по выходѣ изъ монастыря! указалъ Бенедиктъ и неторопливою походкой отправился къ себѣ въ келью.

Герцогъ вышелъ изъ воротъ монастыря.

Было лѣто. Прямо передъ нимъ глубоко внизъ убѣгало шоссе въ Люцернъ, по которому когда-то ѣхалъ дилижансъ Луиджи и шла Жанна съ Кламераномъ и съ ребенкомъ, а надъ нимъ и кругомъ монастыря громоздились горы и на нихъ блестяли вѣчные снѣга.

Вотъ кому-то памятникъ. Герцогъ подходитъ къ нему и читаетъ на немъ слѣдующую надпись:

«Самою славной изъ собакъ была во всемъ мѣрѣ Барри, благодѣтельная собака Сенъ-Бернарскаго монастыря! Да, Барри, ты была лучшей изъ собакъ, лучшимъ изъ всѣхъ животныхъ! Ты была великой, чело-вѣколюбивой собакой, ты имѣла состраданіе къ несчастнымъ! Ты спасла жизнь болѣе 70 человѣкъ. Съ кор-

зиночкой на шеѣ, гдѣ были хлѣбъ и вино, изо дня въ день выходила ты изъ монастыря въ снѣжную бурю, чтобы отыскивать занесенныхъ снѣгомъ и засыпанныхъ лавиной людей. Ты не рыла могилъ для мертвыхъ, но ты способствовала воскрешенію живыхъ. Ты, какъ человѣкъ, умѣла молчаливо внушать къ себѣ довѣріе, иначе ребенокъ, вырытый тобою изъ-подъ снѣга, никогда не посмѣлъ-бы взлѣзть къ тебѣ на спину, чтобы ты могла снести его въ гостепріимный монастырь. Придя къ вратамъ обители, ты звонила въ колокольи лишь только монахи снимали съ тебя дорожную ношу, какъ ты уже снова пускалась на поиски за несчастными».

Герцогъ съ благодарностью опускается передъ памятникомъ на одно колѣно и глубоко вздыхаетъ.

— Спасибо тебѣ, Барри! говоритъ онъ.—Ты спасъ мое дитя!

И, поднявшись съ земли, онъ начинаетъ спускаться по шоссе въ Люцернъ.

А сзади него ѣдетъ слѣдомъ его экипажъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ГАЛИЛЕЙСКІЕ ЩЕГЛЯТА.

(Легенда).

Когда Господь Іисусъ проходилъ по дорогамъ и весямъ, Онъ приводилъ въ радость всѣхъ пролетающихъ птичекъ. Какъ только онъ за-

мѣчали бѣлыя одѣнія Христа, онѣ собирались къ Нему стаями. Ондѣ садились на живыхъ изгородяхъ и украшали ихъ собою, точно цвѣтами;

1. Знаете, что? Давайте играть в прятки! Но только такъ, чтобы каждый могъ себя выручить!

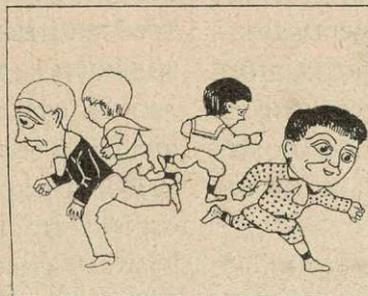
2. ...Колнѣ-молинѣ—чѣмъ под- коленѣ— шитомъ-бритомъ-подъ корытомъ...
— Тебѣ, Катя, искать!

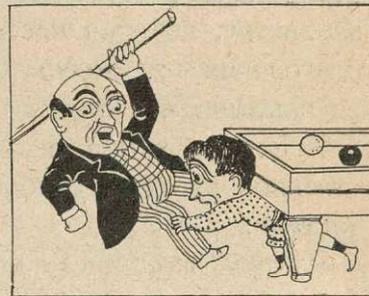
3. — Стой у кресла и не гляди. Мы будемъ прятаться. Всякій, кто раньше тебя тронется за это кресло будетъ считаться вырученнымъ!

4. — Смотри-же не гляди!
— Нѣтъ, нѣтъ!

5. — Мы прячемся! Теперь от- ходи отъ кресла!

6. Коля спрятался подъ биль- ярдъ и, чтобы выручиться, сбиль дядюшку съ ногъ.

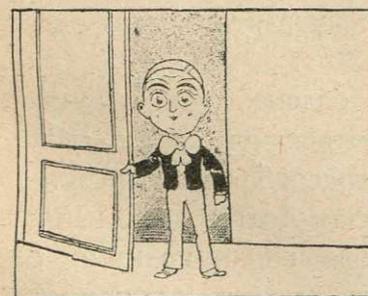
7. Дядюшка, падая, ткнул Пав- ла Петровича кѣмъ прямо въ носъ.

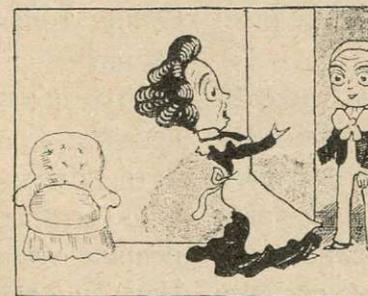
8. А Павелъ Петровичъ упалъ прямо на проходившаго мимо лакея.

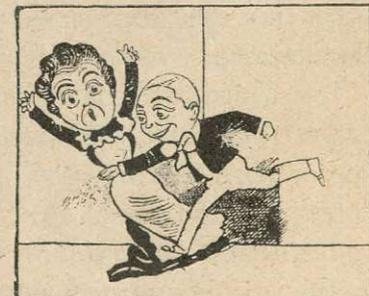
9. За то Коля коснулся кресла раньше, чѣмъ Катя, и выручилъ себя.

10. Петя спрятался въ шкафъ.

11. Горничная ползла за чѣмъ- то въ шкафъ.

12. но Петя выскочилъ изъ него и сбиль ее съ ногъ.
(Продолженіе на стр. 28 и 29).

другія прыгали по дорогѣ въ той пыли, которой касались стопы Спасителя; нѣкоторыя порхали въ воздухѣ и стаями носились вокругъ Него. Тѣ, которыя умѣли пѣть, пѣли; тѣ, которыя не умѣли пѣть, показывали Ему свои перышки. Всѣ, словно по своему, говорили:

— Благодаримъ тебя, Господи, за одежду, за голосъ, за цвѣтъ, за зерна, за листву, которая насъ укрываетъ, благодаримъ за жизнь, благодаримъ за крылышки, которыя насъ носятъ!

Христосъ улыбался своей божественной кроткой улыбкой и птички улетаели.

Птички, высиживая малютокъ, не боялись оставлять яйца въ гнѣздышкахъ, зная, что въ этомъ случаѣ имъ нечего беспокоиться за нихъ. Онѣ молча прилетали и покругившись вокругъ Христа, быстро улетаели обратно.

Однажды случилось въ Галилеѣ, что двѣ птички запоздали вывести дѣтей. Опечалились онѣ среди другихъ веселыхъ щебетуній. Это было то время, когда черный шиповникъ уже цвѣлъ, а боярышникъ только начиналъ зеленѣть. Иисусъ понялъ страданіе птичекъ. Онъ остановился. Онъ понялъ то, чего онѣ не могли высказать:

— Учитель! Довѣрчивыя, мы сдѣлали гнѣздышко у подошвы одного дерева, какъ-бы говорили онѣ.—У насъ было уже два яичка. Но сдѣлался разливъ и наше гнѣздышко было снесено...

Иисусъ поднялъ руку и сказалъ такъ кротко, что слова Его скорѣе

походили на слова состраданія, чѣмъ на приказаніе:

— Начните вновь!

Птички построили новое гнѣздышко, но уже на вершинѣ одного дуба, изъ боязни разлива.

На это понадобилось время.

Волосы, шерсть, перышки, самыя мелкія соломинки, все, изъ чего состоятъ гнѣзда щегловъ, было употреблено нашими маленькими строителями въ дѣло. Птички снова сдѣлались счастливыми. Снова ихъ пѣніе раздавалось повсюду.

Но вотъ, въ минуту, когда постройка гнѣздышка, кругленькаго, открытаго къ небу, приходила къ концу, поднялась буря, и пошелъ густой крупный градъ. И все погибло. Птички опять отправились искать Господа. Онѣ не походили на людей,—мы ропщемъ всегда,—онѣ-же хотѣли только знать, не осталось ли для нихъ хоть малой надежды имѣть въ этомъ году дѣтей, и почему оба раза ихъ гнѣздышки погибли? Время для постройки гнѣздъ приходило уже къ концу. Всѣ птенцы у другихъ птицъ уже начинали подростать и летать, и стали походить на своихъ родителей. Одни только щеглята были одиноки...

Полуденное солнце грѣло сильнѣе печей, а Господь продолжалъ свой путь, поучая людей. Теперь Онъ должно быть далеко. Долго, долго наши птички отыскивали Его, не имѣя о Немъ никакихъ слуховъ и никакихъ способовъ распросить.

И только, когда имъ случилось видѣть въ деревьяхъ плачущихъ женщинъ, больныхъ дѣтей, слѣпыхъ, или еще какихъ-либо несчастныхъ, онѣ говорили другъ дружкѣ: «Господь не здѣсь! Гдѣ Онъ,—тамъ всюду радость». И онѣ летѣли въ дальнѣйшій путь. Долго путешествовали онѣ. Наконецъ, къ концу лѣта, онѣ прилетѣли въ одинъ поселокъ. Въ немъ было большое скопленіе народа. Всѣ были оживлены. Дѣти несли вѣтви, взрослые говорили:

— Онъ воскресилъ дочь Іаира; мы самивидѣли ее идущую, полную жизни.

Молодые дѣвушки плакали отъ радости, оставляя свои траурныя вуали. Услышавъ это, птички рѣшили подождать выхода Христа; для этого они сѣли на самой низкой вѣткѣ дерева у самага края поселка.

Наступала ночь; показался Христосъ; Онъ тотчасъ-же узналъ птичекъ.

— Малютки, сказалъ Онъ имъ, ничего не потеряно, начните снова. Вы помѣстите ваше гнѣздышко внутри дерева, не низко, изъ боязни большой воды, и не высоко, потому что у васъ нѣтъ силъ состязаться съ бурями. Отправляйтесь съ миромъ!

Его окружала толпа. Слыша эти слова, одинъ сказалъ:

— Учитель! Ты приказываешь птичкамъ построить гнѣздо, но вѣдь зима уже приближается!

— Прежде чѣмъ будетъ ими собранъ матеріалъ для гнѣзда, сказалъ другой, деревья потеряютъ листву!

— Холодъ погубитъ мать на яйцахъ, сказалъ третій, и даже, если бы птенцы и подросли, они не смогутъ найти пищи на обледенѣлой землѣ.

Но Христосъ грустно посмотрѣлъ на нихъ, улыбнулся двумъ птичкамъ и сказалъ:

— Летите и надѣйтесь!

И въ ту же ночь щеглята улетѣли. Безъ остановки, однимъ полетомъ, они возвратились въ страну, гдѣ уже два раза были уничтожены ихъ гнѣзда.

Табуны лошадей, пасшихся все лѣто на поляхъ, оставили послѣ себя волоса въ изобиліи; стада овецъ потеряли не мало шерсти въ колючемъ шиповникѣ; пушистыя перышки бесполезно колыхались на водоросляхъ болотъ. Все это послужило матеріаломъ для постройки гнѣздышка. Мать снесла шесть яичекъ и начала ихъ высиживать.

Тогда свершилось чудо. Повсюду деревья лишились листвы, а дерево съ гнѣздышкомъ и сосѣднія съ нимъ, на протяженіи цѣлаго полуполя, сохраняли листья. На этомъ же благословенномъ пространствѣ небо оставалось всегда чистымъ. Кругомъ носились тучи, оставляя свободнымъ большое голубое пространство, полное свѣта и теплоты для неподвижно сидящей птички въ гнѣздышкѣ.

Вѣтеръ умѣрялъ силу, приближаясь къ границѣ, намѣченной самимъ Богомъ.

И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока шесть маленькихъ птенчиковъ не вышли изъ шести яичекъ. И открывая

13. Сеня залѣзъ въ грязное
оубье, но запутался въ про-
стынь.

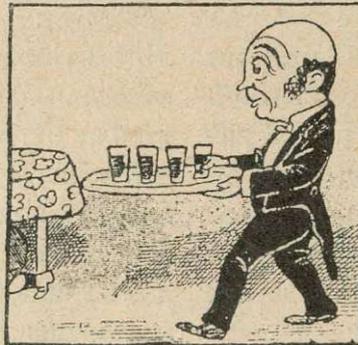
14. Катя приняла его за при-
виднїе и испугалась,

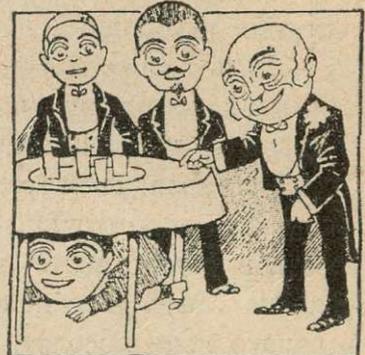
15. такъ что ея мама должна
была дать ей понюхать спирту.

16. Вася спрятался подъ столъ,

17. на который лакей долженъ
былъ поставить чай.

18. И когда гости собрались
пить чай,

глаза, птенцы могли увидѣть красоту
неба и красоту земли и полюбили ихъ.
Затѣмъ они стали оперяться и летать.

И только тогда, когда у нихъ вы-
росли уже крылья, когда пожелтѣли
листья, они увидали, что зима уже
давно оголила землю и что начались
уже холода. Но они уже были взрос-

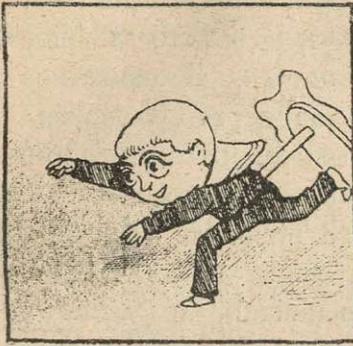
лыми и теперь холода ихъ уже вовсе
не страшили. И всѣмъ стало ясно,
что для запоздавшихъ щеглятъ была
сдѣлана особая весна, чтобы дать
имъ возможность построить гнѣздо и
вывести птенцовъ, и что главное въ
жизни всѣхъ живыхъ существъ на
землѣ—это послушаніе и трудъ.

Изъ René Bazin.

РАЗСКАЗИКИ.

Одинъ ученый имѣлъ въ своемъ
домѣ акваріумъ. Отыскивать человѣ-
ческія свойства въ животныхъ было
его любимымъ занятіемъ. И вотъ, для

своихъ наблюденій, онъ помѣстилъ
въ стеклянный ящикъ маленькую зо-
лотую рыбку. Рыбка эта постоянно
суетилась и двигалась, какъ суетятся

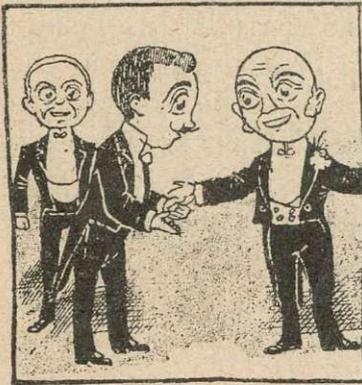
19. то Вася выскочилъ изъ-подъ стола и

20. повалилъ его.

21. Поднялся такой шумъ, что гости стали пугаться.

22. Начались серьезные разговоры.

23. Кончилось дѣло тѣмъ, что мама подозвала къ себѣ Катю и потребовала отъ нея объясненій.

24. И когда мама дѣлала Васѣ выговоръ, то онъ отвѣтилъ: — А что-бы ты сказала, если-бы мызатѣляли играть въ войну?!

и двигаются всѣ веселыя маленькія дѣти. Беззаботная, она упивалась свѣжей водицей, она проводила все время въ томъ, что пила и пила. Таково ужъ свойство рыбокъ, что когда онѣ дышатъ, то намъ кажется, что онѣ пьютъ воду.

Однажды вечеромъ потихоньку и незамѣтно для рыбки ученый опустил въ акваріумъ стеклянную перегородку и въ отгороженную такимъ образомъ часть акваріума пустил щуку, большую зубастую щуку съ хищными глазами. Щука,—зна-

токъ по части лакомыхъ блюдъ,— сразу увидѣла хорошенькую рыбку; она бросилась и хотѣла схватить ее зубами, но... не тутъ-то было! Она ударилась ртомъ о стекло.

Сгоряча щука не почувствовала боли и, въ своей жадности не переставала набрасываться на рыбку и всякій разъ натыкалась на стеклянную перегородку.

Эти смѣлые походы щуки продолжались цѣлыя недѣли, цѣлыя мѣсяцы, отъ зари и до зари. Въ ужасѣ, золотая рыбка не знала что дѣлать.

Она похудѣла и стала печальной. Наконецъ, утомившись и рискуя разбить себѣ носъ, щука принуждена была прекратить свои напрасныя нападенія.

Великанъ, въ сравненіи съ маленькой рыбкой, щука оставила малютку въ покоѣ, и золотая рыбка встрепенулась и начала по-прежнему веселиться и суетиться въ своей половинѣ. Миръ воцарился въ аквариумѣ. Увидѣвъ это, хозяинъ ночью, незамѣтно, вынулъ стеклянную перегородку изъ аквариума, такъ что ни большая щука, ни маленькая золотая рыбка даже и не замѣтили этой перемѣны. И что-же оказалось? Онѣ продолжали жить въ мирѣ и каждая спокойно плавала въ своей половинѣ.

И такъ онѣ жили долго, долго, въ одномъ аквариумѣ и представляли собой примѣръ того, какъ могутъ сжить-ся самыя противоположныя натуры.

Гриша былъ большой лгунъ. Однажды онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и училъ уроки. Около него лежало нѣсколько новенькихъ гривенниковъ, которые онъ получилъ въ подарокъ на именины отъ родныхъ.

— Откуда ты взялъ эти деньги? спросила его сестра, маленькая дѣвочка лѣтъ шести.

— Сорвалъ съ дерева... отвѣтилъ Гриша.

— Развѣ онѣ растутъ на деревьяхъ? спросила его сестра.

— Да, продолжалъ Гриша, не отрываясь отъ тетради. — Стоитъ только

ихъ посѣять и изъ нихъ вырастаютъ деревья, которыя вмѣсто плодовъ даютъ гривеннички. Я нашелъ въ саду одно такое дерево и нарвалъ ихъ. Жаль только, что ихъ мало въ нынѣшнемъ году уродилось.

И онъ снова принялся за писанье. А его сестра взяла незамѣтно отъ него всѣ гривеннички, лежавшіе на столѣ, выбѣжала въ садъ и стала ихъ сѣять, чтобы на будущій годъ изъ нихъ выросли деньги. Окончивъ посѣвъ, она возвратилась къ Гришѣ.

— Знаешь, Гриша, радостно воскликнула она, — теперь ты будешь богатый-богатый! Я посѣяла сейчасъ твои гривеннички и на будущій годъ изъ нихъ выростетъ много денегъ!

Мальчикъ вскочилъ съ мѣста и схватилъ сестру за руку.

— Что ты надѣлала? воскликнулъ онъ.

— А что? спросила она въ удивленіи.

И онъ потащилъ ее за собою въ садъ.

— Покажи сейчасъ-же, сказала она, — куда ты ихъ посѣяла?

Но дѣвочка не могла припомнить, куда она расшвыряла деньги. Къ тому-же въ саду работали поденщики, которые, вѣроятно, ихъ и подобрали.

— Что вы тутъ ищете? спросилъ ихъ отецъ.

— Да вотъ Сонька раскидала всѣ мои деньги! плаксиво отвѣтилъ Григорій.

И онъ рассказалъ отцу все, что натворила Соня.

— Теперь ты наказанъ за свою деньги, чѣмъ сѣять ложь между ложь, отвѣтилъ отецъ.—Конечно, и людьми.
Соня не права, что разбросала деньги по травѣ, но лучше сѣять по травѣ Гриша вздохнулъ и виновато побрелъ домой.

КАКЪ СДѢЛАТЬ МИНДАЛЬНОЕ ПЕЧЕНЬЕ.

Попросите у мамы $\frac{1}{2}$ фун. миндаля, одно яйцо, $\frac{1}{2}$ фун. мелкаго сахара и немного лимона.

Миндаль положите въ стаканъ и обварите кипяткомъ изъ самовара; черезъ 10 минутъ съ него будетъ легко счищаться кожица. Когда миндаль будетъ очищенъ, то нарѣжьте его тоненькими полосками, какъ лапшу, только помельче и потоньше. Затѣмъ разбейте яйцо и отдѣлите бѣлокъ отъ желтка. Положите бѣлокъ въ тарелку, всыпьте въ него сахаръ и начните растирать. Растирайте съ терпѣніемъ и до тѣхъ поръ, пока не получится бѣлая масса, похожая на сметану. Если будетъ очень круто, т. е. гуще, чѣмъ сметана, то прибавьте еще одинъ бѣлокъ и растирайте вновь. Но необходимо, чтобы было не очень густо и не очень жидко. Лучше гуще, чѣмъ жиже. Послѣ этого изрѣжьте очень мелко корочку съ кусочка лимона и разо-

трите ее сначала въ щепоткѣ мелкаго сахара, а затѣмъ и въ этой массѣ; потомъ всыпьте туда-же и миндаль. Хорошенько перемѣшайте. Должна получиться густоватая масса.

Возьмите листъ писчей бумаги и промажьте его коровьимъ масломъ; бумагу эту положите на противень или на желѣзный листъ и разложите на ней небольшими кучками приготовленную вами массу, такъ, чтобы вышли лепешки величиною въ мѣдный пятакъ.

Когда все будетъ приготовлено, поручите кухаркѣ поставить листъ въ духовой шкафъ на самый легкій жаръ. Печенья должны подрумяниться, но отнюдь не подгорѣть. И когда они подрумянятся, то нѣжно ихъ вынуть изъ духового шкафа и остудить, а затѣмъ содрать съ бумаги и подавать.

Оставшіеся желтки уйдутъ въ кухню на приготовленіе кушанья.

Тетя Оля.

АРИѲМОГРАФЪ № 3.

Слово состоитъ изъ восьми буквъ:
1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.

Буквы 7. 6. 2. 6. 3. 8 означаютъ главную церковь въ городѣ, 6. 5. 6. 3. 6. 5. 8—закуску, 7. 6. 2. 1. 5. 1—

домашнее животное, 1. 3. 1. 2. 8—жителя Азіи, 2. 6. 3. 4. 7. 8—русское имя, 5. 4. 3. 5. 1—инструментъ для ломки угля, льда и т. п., 2. 3. 1. 5. 8—свадьбу и 5. 6. 3. 6. 2. 5. 1—

помѣщеніе для конфетъ. Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ вкусный плодъ съ косточкой.

ЗАДАЧА № 4.

Географическія имена въ фразахъ.

Въ каждой изъ слѣдующихъ фразъ находится названіе города. Найти эти названія.

1) У ханскаго дворца росла астра; ханьша вышла изъ дворца и сорвала ее.

2) Знахарь ковырялъ у больного рану больше, чѣмъ лечилъ ее.

3) Русскіе въ 1812 году сражались съ французами.

4) У меня двѣ сосѣдки и обѣ Екатерины; я былъ у обѣихъ Екатеринъ; осла въ ихъ конюшняхъ нѣтъ; гдѣ же онъ?

5) Сидѣлъ воронъ; ежъ подползъ къ нему и говоритъ: «Я умѣю свертываться клубочкомъ, а ты нѣтъ».

6) Все здѣсь старо: дубъ уже подгнилъ и повалился, все пришло въ ветхость и сама радость, кажется, навѣки ушла изъ этого мѣста.

7) Въ темнотѣ онъ сталъ совать ключъ мимо скважины замка и поэтому долго не могъ отпереть его.

ШАРАДА № 8.

А вотъ еще одна шарада
Вамъ для рѣшенія дана!
Она совсѣмъ не мудрена.
Но чтобъ рѣшить ее исправно,
Судьбу приставить къ глазу надо,
Но такъ, чтобъ вышла ветчина.
Не правда-ль, какъ это забавно?

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти Ариомографъ, Задачу и Шарладу, будутъ напечатаны).

ОТГАДКА ШАРАДЫ № 6.

Се + ребро = серебро.

ОТГАДКА АКРОСТИХА,

помѣщеннаго въ № 6.

1) Ворон + ежъ = Воронежъ. 2) о + врагъ = оврагъ, 3) лу + бокъ = лубокъ, 4) глоб + усъ = глобусъ, 5) а + рабъ = арабъ.

Названіе рѣки — Волга.

Вѣрное рѣшеніе этихъ шарады и акростиха прислали: Володя Новиковъ въ Спб., Витя и Толя Романчукъ, Ляля и Шурикъ Никольскіе—Спб., А. Анисимовъ, Людмила Ратимова, Коля и Маруся Алексѣевы, Тася Быкова, Варя Казаринова, Г. Теръ-Григоріанецъ—Спб., Юля Пшенская, О. Игнатищева, Дина Каганъ—Ревель, Анатолій Андрусь—Батумъ, Володя Зайцевъ—Спб., Андрушкевичъ, Шура Громова—Васильково, Нина Иванова—Асхабадъ, Анна Хвостова—Вологда, Ната Дитяткина—Старая Русса, Тая и Оля Беръ—Владимиръ, Киса и Муся Лодыгины—ПолOCKъ, Людмила Чеботарева—Харьковъ, Володя Орловъ—Одесса, Котя и Катя Николаевы—Харьковъ, Андруша Оедотовъ въ Мальцевѣ, Коля Даниловъ, Витя Волковъ—Рига, Надя Понафутина, Аничка Аладына—Харьковъ, Петя Моисеенко—Харьковъ, Вѣрочка Боборыкина—Гомель, Зоя Оболенская—Могилевъ, Юля Пяткова—Харьковъ, Ксенія Слезкинская—Новгородъ, Оля Кирпотина—Екатеринославъ, Шета Мякишева—Севастополь, Алеша Гусевъ въ Касимовѣ, К. Ротманъ въ Армавирѣ, Шура и Юра Грековы—Новочеркасскъ, Соня Чеканова—Харьковъ, Аля Смѣкаловъ—Бахмутъ, Шура Калиновскій—Елисаветградъ.

Вѣрное рѣшеніе шарады прислали: Миля и Лиза Коварскіе, Катя Муговкина въ Спб., Маруся Лавинникова—въ Ахалцыхѣ, Коля Бриль—Елисаветградъ, Володя Цвирко.

Одинъ только акростихъ рѣшили: Коля Григорьевъ въ Кологривѣ, И. Ароновичъ—Київъ, Шура Сперанская—Вологда, Марина Оболенская—Могилевъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Варечки Зин—ой въ Одессѣ. Изъ стихотвореній для дѣтей охотно можемъ рекомендовать недавно выпущенную книжку И. А. Бѣлоусова «Ласточки». Очень красивое изданіе съ рисунками. Цѣна 45 коп.